

И.Н. Шпильрейн, Л.С. Выготский и С.Г. Геллерштейн — создатели научной школы психотехники в СССР

В.М. Мунипов

доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО,
профессор кафедры эргономики МИРЭА

В статье представлена полная драматизма и внутреннего напряжения история создания в 20–30-е годы И.Н. Шпильрейном, Л.С. Выготским, С.Г. Геллерштейном и другими учеными научной школы психотехники в СССР. Подчеркивается, что в начале 20-х историко-содержательными основаниями развития психотехники стали программа создания прикладной психологии как науки Г. Мюнстерберга; дифференциальная психология В. Штерна; тейлоровская парадигма научной организации труда; завоевания отечественной психологии. В статье обращается внимание, что психотехника возникла не традиционным образом «направление исследования — научная дисциплина», а первоначально как научное движение, охватившее в 20–30-е гг. буквально всю страну. Психотехника занимает промежуточное положение между специальностями врача и педагога и имеет задачи, не совпадающие с задачами психологии. Международное признание российской психотехники выразилось в том, что в 1931 г. очередную Международную конференцию по психотехнике решено было провести в Москве. В своей же стране психотехника и психотехники подвергались гонениям.

В качестве своеобразного приложения публикуется «непсихологическая» работа С.Г. Геллерштейна, в которой анализируется книга Л. Кэрролла о приключениях девочки Алисы. С.Г. Геллерштейн в центр своего анализа помещает проблему переживания времени.

И в этом тексте известный психотехник, занимавшийся изучением профессионально-значимых качеств, обоснованием принципов и методов распознавания индивидуальных различий между людьми в связи с трудовой деятельностью, колебаниями работоспособности под влиянием утомления и др., выступает перед читательской аудиторией в другом качестве — он увидел в тексте Кэрролла рассмотрение глубокой психологической проблемы — что есть «вспомнить будущее», что значат парадоксальные смещения прошлого, настоящего и будущего в человеческих переживаниях.

Ключевые слова: психотехника, история психотехники в СССР, психотехническое движение, психотехника как научно-практическая дисциплина, время, переживание времени.

История психотехники в нашей стране (в том числе и полное драматизма ее развитие в 20–30-е гг.) еще не в полной мере осмыслена и написана. Сразу после революций 1905, 1917 гг. и в период гражданской войны психотехника не могла возникнуть по объективным причинам. Возникает вопрос: «Как психотехника за 15 лет, из которых она нормально развивалась в СССР 9 лет, могла занять ведущее положение в мировой психотехнике и внести заметный вклад в развитие ее отдельных направлений и проблем?».

Предлагаемый цикл статей продолжает исследование, начатое В.П. Зинченко, О.Г. Носковой и автором этой статьи при подготовке и издании

в 1983 г. работы «История советской психологии труда. Тексты (20–30-е гг. XX в.) [29]». Замысел и первоначальная структура этой работы принадлежали известному психотехнику, старейшему работнику факультета психологии МГУ Ю.В. Котеловой, к сожалению, не успевшей завершить свое начинание. В работе приняли участие известные психотехники К.М. Гуревич, В.М. Коган, К.К. Платонов, Л.И. Селецкая, Ю.И. Шпигель, В.В. Чебышева, а также родственники психотехников и сотрудники кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ — О.И. Галкина, В.С. Геллерштейн, Л.Н. Грацианская, Н.Ю. Калмыкова, Е.А. Климов, А.Я. Колодная, Л.М. Макарова,

А.А. Михалева, Р.Д. Рейтынбарг, М.И. Шпильрейн, Л.П. Щедровицкий, старейший психолог страны А.И. Щербаков. Огромные трудности были связаны и остаются по сей день с поиском работ по психотехнике, так как после ее разгрома в 1936 г. все они были изъяты из библиотек и вообще — из свободного обращения. Эти работы давно уже стали библиографической редкостью, а многие сохранились лишь в архивах и личных библиотеках. О поиске, связанном с психотехникой, в архивных фондах СССР не могло быть и речи, так как подвергшиеся репрессиям психотехники не были еще реабилитированы, а их детище и по сей день остается в таком же положении. Характерный вопрос задал редакторам ответственный работник, когда сборник был готов к изданию: «Почему у вас много авторов репрессированных и одной национальности?». Ответ последовал сразу: «Потому что они умнее нас». Но все же пришлось искать компромисс. Сошлись на том, что, к сожалению, не напечатаны работы двух психотехников и взамен добавлены статьи авторов с другими фамилиями и не репрессированных (Н.К. Крупская, П.В. Новиков и С.Г. Струмилин). Надо отдать должное издательству МГУ, оказавшему большую помощь и поддержку на этом решающем этапе работы.

История психотехники нуждается в научно обоснованной полноте ее раскрытия и современной интерпретации, отражающей обновленные методологические основания исторических исследований. Поэтому необходимо продолжить изучение первоисточников, особенно тех из них, что еще ждут обнаружения и публикации. Почти не начат поиск материалов в архивных фондах России, Украины, Грузии, Азербайджана, а также в Российском Центре хранения документов, чтобы окончательно выяснить роль ЦК ВКП(б) и его отдельных работников в разгроме психотехники и подлинные причины этой акции.

Предлагаемый цикл статей представляет собой скорее продолжение начала исследований, нежели его завершение. Одним из первых после разгрома психотехники стал разрабатывать ее методологические проблемы Г.П. Щедровицкий. Его дело продолжили А.А. Пископелль и Л.П. Щедровицкий. Положительные оценки психотехники удавалось вставлять в тексты своих работ А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому. Существенно развил теоретические проблемы психотехники в творчестве Л.С. Выготского уже продолжительное время исследующий их А. А. Пузырей. Содержательные и оригинальные работы по истории методологии психотехники опубликовал Ф.Е. Василюк. Издала работу по психологии истории труда в России О.Г. Носкова, отдавая большое место психотехнике. Возникла необходимость организации обсуждения полученных результатов и сопоставления позиций разных авторов. Если публикуемый цикл статей будет способствовать такой дискуссии, автор считает свою главную задачу выполненной.

1. И.Н. Шпильрейн, Л.С. Выготский и С.Г. Геллерштейн — зачинатели психотехники в стране

Программа развития прикладной психологии как науки, составившая основное содержание труда Г. Мюнстерберга «Основы психотехники», стала методологическим ориентиром создания И.Н. Шпильрейном, Л.С. Выготским, С.Г. Геллерштейном и другими учеными и специалистами психотехники в стране. Анализ мюнстерберговской методологии развития прикладной психологии как науки осуществил Л.С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса», подготовку рукописи которой ученый завершил в 1927 г. [11]. Анализируя труд Мюнстерберга, Выготский не мог не обратить внимания на предисловие к изданию 1922 г. этого произведения — «От редакторов русского перевода». В нем содержалось сообщение о создании в Институте психологии (еще до прихода туда Л.С. Выготского) Отделения прикладной психологии, «которое имело задачей организовать планомерное исследование проблем психотехники» [48, с. 7]. В указанном предисловии, написанном известными психологами и психотехниками, учениками Г.И. Челпанова — Б.Н. Северным и В.И. Экземплярским, — содержится высокая оценка труда и особо выделяется перспективная направленность развития психотехники, имеющая принципиальное значение для психологии. «Не будем забывать и того, что психотехника в значительной степени вырастает на почве современных тенденций научной психологии с ее вниманием к точным методам исследования, в частности, к эксперименту, с развитием дифференциальной психологии, изучающей индивидуальные особенности людей и т. д. Для развития этой последней, т. е. психологии, как точной науки, значение психотехники бесспорно. И здесь она отвечает, — пишут редакторы русского перевода, — между прочим, и тем стремлениям последних дней, которые со стороны так называемой «психологии поведения» выдвигают необходимость в психологическом исследовании подхода к целному человеку. Оставаясь на почве точного, в значительной степени экспериментального исследования, психотехника стремится преодолеть тот «атомизм», расчленяющий цельную психофизическую организацию человека на отдельные свойства, который экспериментальным методом, естественно, в силу его специфических признаков (необходимость изоляции изучаемого процесса или функции), был в сильной степени развит в психологии» [там же].

Свою деятельность Отделение прикладной психологии Института психологии начало с перевода на русский язык и издания в 1922 г. указанного труда Г. Мюнстерберга, выполненного практикантами Отделения под общей научной редакцией Б.Н. Северного и В.И. Экземплярского. Однако продолжить исследования Отделение не смогло, так как его закрыли при реорганизации Института в 1923 г., когда на посту директора Г.И. Челпанова сменил К.Н. Кор-

нилов. Г.И. Челпанов и многие его ученики, в том числе Б.Н. Северный и В.И. Экземплярский, вынуждены были покинуть институт, который сменил название на Московский государственный институт экспериментальной психологии (МГИЭП). В его структуре теперь значилось не Отделение, а Секция прикладной психологии, возглавить которую К.Н. Корнилов предложил И.Н. Шпильрейну, а первым сотрудником в ней стал С.Г. Геллерштейн.

Надеясь на то, что новый директор, будучи учеником Челпанова, продолжит и уж во всяком случае сохранит сложившиеся традиции Психологического института, Шпильрейн сразу согласился на предложение Корнилова организовать Сектор прикладной психологии, понимая, что лучшей научной организации для создания теории и методологии психотехники в стране просто не было. Шпильрейн принял предложение еще и потому, что их с Геллерштейном программа развития психотехники полностью совпадала с замыслом Северного и Экземплярского об организации изучения последней. Тяжело болевший в 1924–1930 гг. Северный и сосланный из Москвы Экземплярский подключены были Шпильрейном и С.Г. Геллерштейном к исследованиям и практическим работам через Всесоюзное психотехническое общество, членами которого они стали. Не менее значимо для И.Н. Шпильрейна и Геллерштейна явилось и то обстоятельство, что они пришли в институт одновременно с Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией и другими учеными, формировавшими психологию в стране.

Создание Секции прикладной психологии означало возникновение взаимосвязанной организационной структуры: Лаборатория психотехники в Народном комиссариате труда (НКТ) — научно-методический центр, а Сектор в МГИЭП — теоретический центр психотехники. «Наиболее полно история психотехники в институте, — как отмечают Т.И. Жукова и Г.В. Шукова, — отражена в трудах (и судьбе) И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна» [47, с. 213]. Психотехники и ее лидеры — психологи Шпильрейн и Геллерштейн в период становления новой дисциплины в стране, естественно, с пиететом относились к Психологическому институту, созданному и возглавлявшемуся Челпановым, так как к 1922 г. институт «стал тем центром, который удерживал внутреннее единство психологии» и в котором «сложился методологический фундамент науки» [3, с. 11]. Не случайно самый оголтелый критик И.Н. Шпильрейна ученик К.Н. Корнилова Н.Ф. Курманов в 1930 г. писал: «Таким образом проф. Шпильрейн на 30 лет после заядлого врага материализма проф. Челпанова, но вслед за ним формировал принцип голого эмпиризма» [34, с. 393].

В многогранной и огромной по размаху научной, педагогической и общественной деятельности Л.С. Выготский постоянно «держал руку на пульсе» развития психотехники. Входя в состав правления Всесоюзного психотехнического общества (название также менялось) и редколлегии журнала «Советская

психотехника» (название менялось), он находился в эпицентре всех событий в области психотехники. В 1930 г. после попытки разгрома психотехники ученый был избран заместителем председателя правления общества. В этой сфере научной и практической деятельности работали ученики и сотрудники Л.С. Выготского, как, например, Ю.В. Котелова и аспирант В.М. Коган. Вместе с тем историки психологии констатируют: «Членом редакции журнала «Советская психотехника» и правления Всесоюзного психотехнического общества был Л.С. Выготский, чье «психотехническое прошлое» сегодня мало известно» [47, с. 217].

Пока не найдены документальные подтверждения обсуждений Выготским проблем психотехники со Шпильрейном, Геллерштейном и другими психотехниками в период написания работы «Исторический смысл психологического кризиса», хотя трудно представить, что их вообще не было. Ученые работали в одном институте, выступали с докладами на институтских конференциях. В отчете ученого секретаря Института А.Р. Лурии сообщается, что на конференциях института в 1924 г. Л.С. Выготский выступил с докладами «Сознание как проблема психического поведения», «О психологической природе сознания», «Исследование доминантных реакций», «Новая статья Павлова (реферат)», «Реферат о работе Watson'a о речевом поведении», «О новой берлинской психологической школе» и другими сообщениями и рецензиями [38].

На этих же конференциях И.Н. Шпильрейн выступал с докладами «Основные вопросы психологии профессий», «Результаты обследования языка красноармейца», «Язык красноармейца», а С.Г. Геллерштейн сделал доклад на тему «Проблема упражняемости (экспериментальное исследование)». Совместный доклад Шпильрейна и Геллерштейна посвящен отчету «О работе психотехнической секции». Заслушаны также доклады Р.В. Минца «Психотехническое исследование летчиков» и П.К. Энгельмейера «Сенсорное происхождение понятий техники».

Всего в 1924 г. в Институте проведено 13 конференций, на каждой заслушивалось по 14 докладов и присутствовали от 150 до 350 человек. С докладами выступали почти все научные сотрудники института, включая директора К.Н. Корнилова, Н.А. Бернштейна, П.П. Блонского, Б.Е. Варшаву, Н.Ф. Добрынина, А.Б. Залкинда, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию и других [38]. Со многими докладами можно ознакомиться по публикациям, а вот о содержании их обсуждения пока ничего не известно, хотя оно представляет огромный исторический интерес. Одно несомненно, что Л.С. Выготский не мог не выступать при обсуждении докладов ведущих психотехников страны.

В середине 20-х гг. ученые СССР уже старались не ссылаться на своих коллег и тем более положительно отзываться об их работах, чтобы в непредсказуемой идеологической обстановке не причинить друг другу вреда. Тем более важна методологическая

позитивная оценка направленности развития психотехники в нашей стране, связанная с именем И.Н. Шпильрейна, — к целостному изучению трудового поведения, содержащаяся в «Историческом смысле психологического кризиса» и подтверждающая высказанные предположения [11, с. 389].

В начале 20-х гг. три психолога начали изучение психотехники и задали тон в ее теории и практике. И.Н. Шпильрейн не выбирал психотехнику, скорее она выбрала его, когда он учился в колыбели этой дисциплины в Германии, получая классическое психологическое образование в университете г. Лейпцига. Л.С. Выготский, проведя исследование в области педагогической психологии и психологии искусства, как никто другой в стране был готов к восприятию психотехники, которая захватила его глубоко и серьезно при анализе психологического кризиса. Призванием стала психотехника и психология для С.Г. Геллерштейна. В этом отношении психотехнике в СССР повезло — у ее истоков стояли увлеченные, профессиональные и ответственные ученые.

2. Социально-экономические условия зарождения психотехники в СССР

Определяющую роль в возникновении и развитии психотехники в стране сыграли социально-экономические изменения, происходившие после событий 1905 и 1917 гг. Уже в 1918 г. предпринималась попытка быстро построить коммунистическое производство и распределение на основе уравнильности. «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение, — писал В.И. Ленин впоследствии об этом периоде» [цит. по: 2, с. 405]. «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», принятая в 1918 г., содержала указание: «В целях уничтожения паразитических слоев и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» [2, с. 439]. «Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда были основной политикой военного коммунизма» [там же]. Милитаризация труда состояла в прикреплении рабочих и служащих к их предприятиям и организациям без права прекращения работы или свободного перехода на другие предприятия. Переход был возможен только по указанию соответствующих хозяйственных органов и, в первую очередь, НКТ, органа, проводившего трудовую повинность и ведавшего движением рабочей силы. Новая власть провела массовую национализацию промышленности. В 1917 г. был издан закон о хлебной монополии, в соответствии с которым владельцу хлеба доставался минимум, остальное должно было передаваться в распоряжение государства. Система, получившая название «военный коммунизм», достигла высшей точки своего развития на рубеже 1920 и 1921 гг. «Получила широкое распространение точка зрения, что общество военно-

го коммунизма и есть непосредственно коммунистическое. Воплотилась в жизнь утопия доведенной до абсурда полнейшей нефункциональности» [2, с. 450]. В этих условиях не могло быть места научной организации труда и управления и, соответственно, не могла возникнуть и получить развитие психотехника.

Военный коммунизм поставил общество на грань катастрофы, что вынужден был признать В.И. Ленин. В этой ситуации общество неизбежно повернулось лицом к тем ценностям, которые отрицались стихией уравнильности, перешедшей всякие разумные пределы. Среди альтернатив развития существовала своеобразная «американская мечта», мечта об обществе, где люди умели бы хорошо и производительно работать. В январе 1923 г. газета «Правда» писала: «Что такое «американцы»? Это люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь. «Американцы» — это те, кто основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но, взявшись за него, — без «авось» и «небось» — с несокрушимой верой в наши творческие силы, с трезвой оценкой пойдут до конца. С 1923 г. вновь организуемая партия русских «американцев» объявит истребительную войну русскому губошлепству. «Американцы» всей Руси, объединяйтесь!» [цит. по: 2, с. 457]. В этом же 1923 г. Совет народных комиссаров СССР принимает постановление об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения.

Поразительный для страны призыв означал поворот к экономическим методам ведения хозяйства, к усилению рыночных отношений, повышению эффективности, что получило название новой экономической политики (НЭП). Всеобщая трудовая повинность была отменена. Ее заменил закон о добровольном привлечении к труду. В КЗоТе от 1922 г. говорится о «наемных отношениях». Власть должна вместо борьбы за справедливое распределение овладеть торговлей, рынком.

Именно в это время пробил час научной организации труда и психотехники в стране. Зарождается движение научной организации труда и психотехническое движение, развившиеся не без влияния указания газеты «Правда» об организации партии американцев и ее призыва — «Американцы всей Руси, объединяйтесь!». «Такие движения вполне естественны в государстве рабочих, как называло себя общество после 1917 г., и соответствовали утверждениям его вождей, что «социализм порожден крупной машинной индустрией» [2, с. 361].

В той же статье газеты «Правда» ставилась задача искать и находить новых людей — русских американцев. Помогать партии советом, ставить их на надлежащее место и следить, чтобы «рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство» не затерло их на первых шагах. Только на первых шагах, добавляла газета «Правда», ибо в дальнейшем сами «американцы» оттеснят и отбросят губошлепство. «Для утверждения нэпа нужен был, —

подчеркивает А.С. Ахизер, — мощный слой культурных организаторов, ясно понимающих необходимость существования источников творчества. Эти организаторы должны были пользоваться поддержкой хотя бы значительного меньшинства населения» [2, с. 474–475].

Чудеса организации в армии, по словам В.И. Ленина, совершил Л.Д. Троцкий. После смерти В.И. Ленина с подачи И.В. Сталина стали подыскивать работу Л.Д. Троцкому, вынудив его подать заявление с просьбой освободить от обязанностей председателя Реввоенсовета. Его перевели на работу в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), возглавляемый Ф.Э. Дзержинским, которого вскоре сменил В. В. Куйбышев. В нем Троцкий заведовал тремя учреждениями: Концессионным комитетом, Электротехническим управлением и Научно-техническим управлением промышленности. Эти три области ничем не были связаны между собой. «Приступив к работе в трех незнакомых мне учреждениях, — писал Л.Д. Троцкий, — я ушел в нее с головой. Больше всего меня заинтересовали научно-технические институты, которые благодаря централизованному характеру промышленности получили у нас довольно широкий размах. Я усердно посещал многочисленные лаборатории, с огромным интересом присутствовал на опытах, выслушивал объяснения лучших ученых, штудировал в свободные часы учебники... и чувствовал себя наполовину администратором, наполовину студентом» [52, с. 429]. Л.Д. Троцкий в ВСНХ начал изучение затрат на промышленное производство в стране и за границей и сравнительное исследование производительности российского и западного труда. «Его исследование резко выявило промышленную отсталость нации — оно демонстрировало, что производительность российского рабочего в десять раз ниже американского» [28, с. 230]. Сами по себе эти факты были очевидны. Однако официальные ораторы хвастились ростом российской индустрии по сравнению с временами Гражданской войны, когда производительность приближалась к нулю, а также сравнивали уровень производства с показателем 1913 г. Троцкий указывал, что требуется новая точка отсчета и что достижения последних лет следует измерять по стандартам промышленного Запада. «Первый и основной лозунг..., — делает он вывод, — не отставать! Между тем мы чрезвычайно отстали от передовых капиталистических стран» [28, с. 231]. По этим вопросам Л.Д. Троцкий не мог не беседовать с И.Н. Шпильрейном, который был не только лидером психотехнического движения, но и ведущим специалистом в области научной организации труда и производства. В этой связи заслуживает внимания и такой факт биографии Троцкого. В начале 1923 г. близился XIII съезд ВКП(б). На участие в нем больного Ленина надежды почти не оставалось. Возникал вопрос, кому читать основной политический доклад. «Сталин сказал, — пишет Троцкий, — на заседании политбюро: «Конечно, Троцко-

му»... Я возражал» [52, с. 464]. И он предложил, чтобы члены политбюро выступили по отдельным пунктам повестки дня. «Вопрос остался, — заключает Троцкий, — нерешенным. Я, во всяком случае, взял на себя доклад о промышленности» [там же].

После смерти В.И. Ленина в руководстве партии началась свирепая внутривластная борьба, о которой рядовые ее члены почти ничего не знали. Главным противником И.В. Сталина был Л.Д. Троцкий. Долгие годы в стране имя Троцкого было предано анафеме, так как он неизменно стоял в центре борьбы как главный противник Сталина. Только в наше время историки стали приоткрывать завесу над указанной борьбой и личностью Троцкого, не идеализируя его. Кроме всего прочего, отмечается, что он «преждевременный» проповедник индустриализма и плановой экономики, критик теории «социализма в отдельно взятой стране» [28, с. 13]. В 1923 г. П.М. Керженцев, И.Н. Шпильрейн и другие ведущие работники НОТ создали массовую организацию «Лига Время», призванную привлечь широкие массы трудящихся к рациональному использованию времени на каждом рабочем месте и тем самым к движению научной организации труда. Почетными председателями Лиги избраны В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. В этом случае уже безусловно П.М. Керженцев и И.Н. Шпильрейн согласовывали такое избрание с Л.Д. Троцким, а через него и с В.И. Лениным, при этом, несомненно, состоялась беседа по проблемам научной организации труда и психотехники. К концу 1923 г. ячейки Лиги возникли в 75 городах, объединив более восьми тысяч человек. Постановлением коллегии НК РКК СССР в 1925 г. Лига «Время-НОТ» (так она стала называться с 1924 г.) была распущена как якобы выполнявшая свою задачу. На самом деле ликвидирована она была в силу тех же причин, по которым Л.Д. Троцкий освобожден от председателя Реввоенсовета.

В стране существовал тонкий слой культурных организаторов — это энтузиасты научной организации труда, экономисты, кооператоры, психотехники, отдельные руководители промышленности и предприятий и другие. Самой трудной и исторически важной задачей, вставшей перед страной и указанными учеными, специалистами и руководителями, было «вырваться из под власти дотоварных представлений и методов труда» [2, с. 478]. Безусловно, даже подступиться к решению указанной задачи названные ученые и специалисты не смогли бы, если бы в первые годы после революции в руководстве государства не сохранилось немногочисленное ядро организаторов. «Новая правящая элита вышла из немногочисленной партийной элиты, прошедшей школу организационной работы. Власть пыталась использовать остатки старых кадров чиновников... В своей организационной деятельности она использовала опыт западной культуры. Здесь собрались люди, обладающие исключительными организаторскими способностями. Их было немного, но они совершали чудеса... Эти чудеса организации были воз-

можно лишь в условиях значительного энтузиазма, охватившего слой полубразованных, еле грамотных людей, которые готовы были идти на жертвы ради революции» [2, с. 432–433].

Член коллегии Рабоче-крестьянской инспекции Я. Яковлев писал в 1928 г.: «Наши хозяйственники в огромном большинстве рабочие. Само собой разумеется, что эти кадры не могут отличаться большой культурностью и особо большими знаниями. И откуда развиться этим знаниям и этой культурности, если типичная история нашего хозяйственника — это история рабочего, в значительной части революционера-подпольщика, затем военного комиссара, чекиста и далее директора фабрики или треста. Тут не до культуры было! А между тем никогда так остро не чувствовался этот недостаток культуры и знаний, никогда он не был так опасен — политически опасен — как теперь, когда миллиарды рублей идут на капитальное строительство» [40, с. 199].

За десять лет советской власти слой квалифицированных организаторов производства и инженеров еще более утончился: многие погибли во время гражданской войны, тяжело заболели, умерли, эмигрировали, зарубежные работники уехали на родину и с каждым годом увеличивалось количество репрессированных и уничтоженных из числа названных специалистов. Психотехники делали все от них зависящее, чтобы восполнить путем профессионального отбора, консультации и обучения дефицит квалифицированных руководителей предприятий и повысить общую и профессиональную культуру рабочих. И.Н. Шпильрейн писал в 1928 г.: «Как можно было, строя плановое социалистическое хозяйство, столько лет без плана вести человеческое хозяйство, хищнически губя лучшие человеческие ресурсы в ужасных условиях жизни студенчества, в перегрузке непосильной работой лучшего актива. Непонятно станет, как можно было проводить выдвижение без помощи консультанта, который бы указал наилучшую возможность использования выдвиженца, облегчил бы ему вхождение в новую работу, свел бы на нет обратное задвижение, а во многих случаях и помог бы в самом выборе выдвиженца» [65, с. 19].

Яркой фигурой движения научной организации труда стал А.А. Богданов (1873–1928) — автор Всеобщей организационной науки (тектологии, 1913). Выделялось целое «Богдановское течение» в НОТ. А.А. Богданов одним из первых в мире начал разрабатывать теорию организации и управления.

Говоря о социально-экономических условиях возникновения и развития психотехники в стране, не следует упускать из виду, что «мы подчас весьма слабо представляем себе, что такое реальная возможность в невозможной ситуации» [2, с. 462], т. е. безумная попытка соединить доэкономическое хозяйственное развитие нашей страны с индустриальным обществом. Этого не осознавали на первоначальном этапе развития психотехники ее лидеры и другие ученые и специалисты. Тем более, что руко-

водство страны с введением НЭПа строило определенную позитивную программу, которая при всей своей ограниченности шла к модернизации, к стимулированию соответствующих организационных форм. Психотехники внесли существенный вклад в ту область научной организации труда, которая едва ли не единственная в конце 1920-х — начале 30-х гг. давала определенный результат производительности труда, — это интенсификация труда рабочих при одновременном сохранении их здоровья. Они делали все в пределах их компетенции, чтобы перейти к цивилизованной форме труда, которая в соответствии с одним из центральных принципов тейлоровской системы означала: «Трудиться напряженно — значит прилагать максимум усилий, работать производительно — прилагать минимум усилий». Научить работать в промышленности и на транспорте с умом, ликвидировать отставание в производительности труда от стран Запада и в конечном итоге создать процветающее индустриальное социалистическое общество — именно так, а не иначе оценивали психотехники масштабность того дела, которому они отдали жизнь и вовлекли в него большое число ученых и специалистов, а также рабочих, крестьян, красноармейцев и руководителей предприятий и организаций. В этом их историческая заслуга и одновременно трагизм ситуации, в которой они оказались в 30-е годы. Такова судьба не одних психотехников. «Иллюзия, лежавшая в основе НЭПа, заключалась в том, что исторически ограниченный уровень товарно-денежных отношений, санкционированный обществом, его культурой и значительно пониженный массовой борьбой за уравнительность, массовой активизацией общины, казался способным нести на себе бремя решения гигантских задач, которые поставило себе утопическое общество» [2, с. 477].

НЭП — зачаток государственного капитализма. Поэтому режим уничтожает неокрепшие экономические регуляторы, заменяя их политико-идеологическими. В 1930 г. принимается положение об исправительно-трудовых лагерях, согласно которому все виды мест заключения должны были превратиться из тюрем и лагерей в «трудовые фабрики». Психотехники, как и подавляющее большинство других ученых, специалистов и простых людей, не сознавали в 20–30-е гг., что невозможен социализм индустриального общества. Но это не их вина, а беда и трагизм жизни выдающихся граждан страны. «Следует согласиться, — пишет историк Б.И. Козлов, — с В.С. Степиным: многие особенности истории России определены ее постоянными догоняющими модернизациями при сохранении черт традиционного общества. Сегодня Россия, — заключает историк, — как и во второй половине XIX — первой половине XX вв., оказалась обреченной именно на очередную «догоняющую» модернизацию, исторический опыт которой к тому же мало изучен и в значительной своей части остается не востребованным» [32, с. 12].

3. История кратковременного развития психотехники в трудах и делах

И.Н. Шпильрейна, Л.С. Выготского, С.Г. Геллерштейна и других психотехников

В основе формирования отечественной психотехники лежал глубокий исторический анализ ее развития и учет лучших зарубежных традиций и тенденций. Каждому, кто захотел бы наилучшим образом уяснить сущность психотехники, неоднократно напоминал С.Г. Геллерштейн, окажет ценную услугу знакомство с историей вопроса. Будучи незаурядным историком психологии, ученый в своих работах дает глубокий анализ развития психотехники. Высокая культура исторического подхода И.Н. Шпильрейна, Л.С. Выготского и С.Г. Геллерштейна к развитию психотехники обеспечили теоретико-методологические векторы целенаправленного и ускоренного становления отечественной научной школы. Этому в не малой степени способствовали глубокое знание учеными истории и современного состояния отечественной и зарубежной психологии, а также основательная ориентация в смежных научных дисциплинах.

3.1. Освоение зарубежного опыта

Книги ведущих психотехников Германии, США, Франции и других стран, а также отдельные номера зарубежных психотехнических журналов чаще всего переводились на русский язык и рецензировались под редакцией и с предисловиями И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна. Систематически печатались содержательные сообщения об исследованиях психотехнических, а также психофизиологических и других лабораторий. В 1923 г. С.Г. Геллерштейн опубликовал рецензию на издание в СССР книги Г. Мюнстерберга «Основы психотехники» [22]. «Будучи строго выдержанной в обосновании принципиальных положений, — писал рецензент, — книга Мюнстерберга представляет редкое сочетание отвлеченного теоретизирования с постоянным устремлением в сторону практических проблем. С этой стороны она, пожалуй, больший интерес представляет для теоретика, ищущего предпосылок психотехнической науки, чем для психотехника-практика» [22, с. 140]. Сочетание теории и практики характерно и для другой книги пионера психотехники «Психология и экономическая жизнь», которая, теперь уже, представляла больший интерес для психотехника-практика. В предисловии к русскому ее переводу Шпильрейн, отмечая все возрастающее значение НОТ, замечал, что «область научного руководства предприятиями (с. 62—66) выросла в СССР в самостоятельную прикладную дисциплину научной организации труда, поглотившую самую психотехнику, как составную часть» [63, с. 4]. Что автор имел в виду и почему выделял данное содержание книги, можно понять только после ее прочтения. «Руководящие умы практической политической экономии, — писал Мюнстерберг, — характеризовали развитие научного руководства предприятиями в смысле «величайшего прогресса в

промышленности после введения фабричной системы и машинной силы». Оно представляет собой создание Фредерика Тейлора, инженера, посвятившего тридцать лет своей жизни реорганизации промышленных предприятий и в настоящее время отдающего безвозмездно все свои силы распространению своих идей. Для толпы его последователей, — заключает Мюнстерберг, — система его идей служит не теорией и не практическим предложением, а, своего рода, хозяйственной религией, которой они посвящают всю свою жизнь» [39, с. 57]. И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн и их единомышленники посвятили жизнь системе идей Тейлора. Однако в условиях постоянных идеологических предостережений и все нарастающей критики системы Тейлора в СССР они не могли об этом открыто говорить и поэтому имеет место недоговоренность в процитированном из предисловия Шпильрейна тезисе, хотя автор указанием страниц из книги Мюнстерберга, основную мысль которого мы процитировали, достаточно ясно ориентирует читателей — разъяснения находите в книге.

Подобно Г. Мюнстербергу, другой выдающийся немецкий психолог и психотехник О. Липман сочетал в себе широту и многообразие интересов с глубиной и серьезностью научного анализа. Его творчество всесторонне и основательно изучалось И.Н. Шпильрейном, С.Г. Геллерштейном и другими психотехниками [21]. Из 60 важнейших работ О. Липмана в приводимом в библиографическом списке статей С.Г. Геллерштейна четыре переведены на русский язык [35]. Профессиографический опросный лист Липмана, впервые введенный в обиход Психотехнической лабораторией Центрального института труда (в переводе Шпильрейна), пользовался в нашей стране исключительной популярностью.

И.Н. Шпильрейн приветствовал издание книги Торгового представителя СССР в Берлине Ф. Баумгартен «Психотехника», посвященной описанию опыта зарубежной психотехники. «Книга эта, — заключал рецензию ученый, — написана именно для первого ознакомления с вопросом, и в этом смысле вполне себя оправдала. Издана книга очень хорошо и весьма дешево» [57, с. 134]. Ученые нашей страны, однако, не всегда встречали так любой перевод на русский язык книги по психотехнике. Рецензия С.Г. Геллерштейна на книгу немецкого специалиста [23] сразу начинается с критических замечаний. «Само понятие психотехники..., — писал он, — толкуется в ограниченном смысле..., цель психотехники сводится «к выбору наиболее способных из толпы конкурентов» [23, с. 102]. Далее обращается внимание на недопустимые положения в книге ученого: «примитивные представления автора о возможности «разгадать внутреннюю сущность человека», «проанализировать его духовное «я» путем разложения на составные элементы. Автор упускает из виду факт динамичности природы человеческих способностей, которую нельзя изучать вне проблемы их развития» [там же].

Психотехники внимательно следили за сообщениями по интересующим их вопросам в иностранных газетах. В небольшом по объему разделе «Из

иностранный прессы» И.Н. Шпильрейн пишет об организации разработки и применения тестов в США, начиная с отдельных предприятий и кончая правительством; использовании вместо хронометра автоматических отметчиков, устроенных на прессе или штампе в Германии; о возможностях повышения желания человека работать на предприятиях путем применения музыки на производстве (Франция, США, Англия) и, наконец, анализируя заметку в немецкой газете, ученый заключает: «Сравнительно новая наука, занятая вопросами утомления рабочего, составляет часть «экономики человека» и открывает необъятную область величайшей силы — она указывает путь к действительно «рациональной организации труда» [71, с. 99]. В начале 1960-х гг. эргономисты, инженерные психологи и психологи труда нашей страны по крупицам, с большими трудностями собирали материалы о деятельности созданной в годы Первой мировой войны английской Комиссии по изучению утомления рабочих, так как идеологически считалось, что в буржуазной стране не может быть действительно научных исследований в этом направлении. Ученым не было известно, что психотехники и другие специалисты систематически изучали опыт работы названной Комиссии [46]. Правда, и тогда статьи на эту тему подписывались первыми буквами фамилии и имени.

Невозможно в журнальной статье дать полное представление об изучении зарубежного опыта ведущими психотехниками страны, хотя одно это могло раскрыть их профессиональный облик (будучи уже умудренными учеными и практиками, они интенсивно учились). В заключение приведем выдержку из письма в редакцию журнала «Психотехника и психофизиология труда». «В № 140 газеты «Труд» от 24 мая с.г. тов. Шпильрейну поставлен вопрос, как объясняет он «двуличность своей политики» в качестве представителя психотехники Союза ССР при поездках за границу, в частности — оставленное им без опротестования избрание его в Бюро международного психологического съезда в качестве представителя Союза ССР совместно с профессором Челпановым... Ученый комитет ЦИК Союза ССР ... отметил с особым удовлетворением избрание т. Шпильрейна председателем Международной психотехнической ассоциации и созыв следующего Конгресса на территории Союза ССР. Рассмотренные в соответствующих учреждениях материалы о результатах работ конференций, в которых принимали участие наши представители, с полной решительностью заставляют опровергнуть обвинения тов. Шпильрейна в какой бы то ни было «двуличности политики». Доклады наших представителей, в частности доклад т. Шпильрейна «О некоторых элементах теории психотехники», имевший целью доказать необходимость не только биологического, но и социального подхода к психотехническим проблемам и подведение под психотехническую практику марксистской теории, — были благоприятно встречены и оживленно дебатировались» [37]. Письмо

подписал Председатель Ученого комитета ЦИК Союза ССР А. Луначарский, подчеркнув в конце, что приходится поражаться столь необоснованному выпадку по адресу т. Шпильрейна в отношении его участия в международных конгрессах. Ученые и специалисты нашей страны принимали участие в работе международных психотехнических конференций в 1927, 1928, 1930, 1931 и 1934 гг.

3.2. Исторические вехи психотехники и первый идеологический выпад против нее

Четыре исторические вехи развития психотехники определены И.Н. Шпильрейном и С.Г. Геллерштейном уже в 1921—1922 гг. и развиты в последующие годы: 1) программа развития прикладной психологии как науки Мюнстерберга; 2) идеи основателя дифференциальной психологии В. Штерна; 3) тейлоровская парадигма, как ее по существу рассматривали российские ученые и как она определяется современными исследователями научной организации труда [42]; 4) завоевания отечественной психологии. В работах «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) и «Психологическая наука в СССР» [8] Л.С. Выготский осуществил методологический анализ рассматриваемых исторических оснований развития психотехники. Их выявление сопровождалось научными дискуссиями и обсуждениями на конференциях и заседаниях Всесоюзного психотехнического общества новых, сложных и нерешенных проблем. К концу 20-х гг. при резко усилившемся идеологическом прессе все сложнее становилось проводить подлинные научные дискуссии.

Психотехники тщательно изучали все связи психологии и физиологии с трудом, начиная с работ И.М. Сеченова, первым изучавшего рабочие движения человека и физиологические критерии продолжительности рабочего дня. Его работы основательно знали и использовали в своей деятельности И.Н. Шпильрейн, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн и другие психотехники. Достаточно ознакомиться с комментариями Геллерштейна к избранным произведениям И.М. Сеченова, чтобы в этом убедиться [18]. Выступая в 1933 г. на заседании Московского отделения Всесоюзного психотехнического общества в дискуссии по проблемам особенностей методики профессиональной консультации в национальных республиках страны, И.Н. Шпильрейн, обнажая ошибочность тезисов докладчика, опирался на ряд положений работ И.М. Сеченова. Анализируя развитие психологической науки, Л.С. Выготский не упускает ни одного случая, где она обращается к изучению труда. Разбирая принцип доминанты А.А. Ухтомского, ученый обращает внимание «на физиологический анализ физического и умственного труда с точки зрения учения о доминанте» [8, с. 35]. «Принцип этот оказался очень плодотворным, — заключает Выготский, — при изучении природы трудовых реакций человека» [8, с. 36]. И далее пишет: «Особенное распространение в последнее время получило при-

менение рефлексологии к вопросам воспитания, терапии, организации труда и т. д.» [8, с. 86].

В декабре 1928 года в Коллегию МГИЭП Выготским была подана докладная записка о том, что для его работы в институте создана «в высшей степени трудная обстановка». «К.Н. Корнилов обвинил его в отходе от марксизма в психологии, протаскивании идеалистических понятий» [3, с. 16]. Формально Корнилов связал обвинения с проблемой воли. Доклад по этой проблеме заявлен Выготским, но еще не был сделан. Понятно возмущение Выготского и его докладная записка о невозможности продолжать работу в Институте. «Сведений о том, как разрешился конфликт, — отмечают историки психологии, — в архиве не сохранилось, но, по-видимому, Л.С. Выготский этот раунд выиграл, так как его работа продолжается и в 1929-м и в 30-м году» [3, с. 16]. Действительно, Выготский раунд выиграл, в чем ему помогли психологи и психотехники.

Финт К.Н. Корнилова, как мы полагаем, с проблемой воли и обвинением Л.С. Выготского в идеализме по поводу еще не сделанного доклада — это экспромт, т. е. немедленное идеологическое реагирование на публикацию статьи «Психологическая наука в СССР», свобода и независимость суждений автора которой, с точки зрения идеологов партии, носила крамольный характер. Политически враждебными по тем временам в СССР рассматривалось упоминание Л.С. Выготским двух имен политических деятелей и позитивное отношение к их высказываниям: «Каутский прекрасно показал, что создание нового человека есть не предпосылка, а *результат* социализма... Ту же мысль развивает Л. Троцкий...» [8, с. 45]. Если к этому добавить, что в статье Л.С. Выготского приводились и с одобрением анализировались обширные выдержки из работ «идеалистического» психолога и философа Г. Мюнстерберга, а созданная им «психотехника, — доказывалось в статье, — по самой природе своей призвана сыграть революционизирующую роль в психологии...» [8, с. 41], то набор идеологических и политических прегрешений ученого по тем временам уже граничил с расстрельным. Партия такого не прощала и не забывала. Тем более, что Л.С. Выготский опубликовал статью в юбилейном сборнике, посвященном десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. В таких случаях уже нельзя отделаться моментальным идеологическим реагированием.

Для того чтобы удалить Л.С. Выготского из института, К.Н. Корнилов нуждался в то время в более обоснованном обвинении, поддержанном психологами. Месяц спустя (18 января 1929 г.) он организует в Научно-исследовательской секции Осоавиахима научное заседание с докладом своего ученика А. Таланкина «К марксистской постановке проблемы военной психологии» и с приглашением психологов в непрофильную для них организацию, заверяя всех, что сам примет участие в этом мероприятии. В докладе А. Таланкина констатируется: «что именуется военной психологией, никак не отвечает своему назначе-

нию» [7, с. 81]. Таланкин подвергает критике зарубежную психологию и под таким прикрытием вдруг позволяет себе идеологическое высказывание против психотехники. Все принявшие участие в обсуждении доклада отмечали, что докладчик поверхностно знаком с историей психологии и современным ее состоянием. У всех вызвал удивление неожиданный по ходу доклада пространный выпад против психотехники: «Психотехнический отбор поставлен теперь неудовлетворительно, потому что здесь часто нет не только марксистской, но никакой вообще теории, — утверждает Таланкин, — а предлагаемые теории, например, теория Фролова, страдают полным отсутствием социального подхода и уклоном в голую физиологию. Поэтому-то из-за психотехники в полковые школы принимают социально чуждый элемент, а сама психотехника, которая, кстати, почему-то представлена в армии одними врачами, среди командиров не пользуется никакой популярностью. Психотехнический отбор должен прежде всего строиться на основе социального отбора» [там же].

Данный пассаж, по замыслу К.Н. Корнилова, должен был оказаться в центре обсуждения приглашенных психологов. Они призваны были единодушно заклеить профессиональный отбор и соответственно психотехнику, плетущуюся в хвосте у реакционных идеалистических зарубежных психологов и философов. Психологи сорвали этот замысел, не придя на заседание. А психотехники, узнав от психологов о заседании, дружно явились на него и убедительно ответили на надуманные обвинения Корнилова и его ученика.

Показательно, что для нанесения удара по психотехнике был выбран психотехнический отбор. В 1928 г. должно было выйти из печати «Руководство по психотехническому подбору», которое вобрало в себя теоретические и практические достижения психотехники [29]. «Многие представления отечественных психотехников, работавших в Психологическом институте и занимавшихся проблемами диагностики в целях профотбора, профконсультации, — как убедительно показывают К.М. Гуревич и М.К. Каимова в 2004 г., — сохраняют свою научную и практическую ценность и в настоящее время» [47, с. 296]. В конце 20-х гг. рецензенты труда оценивали его как убедительное свидетельство создания отечественной школы психотехники. К.Н. Корнилов и его партийные патроны понимали, что если убивать психотехнику и Л.С. Выготского, то надо целиться в сердце. Представляется, что тогда в это не верили ни И.Н. Шпильрейн, ни другие психотехники, но то, что над делом их жизни нависла угроза, осознавали все и достойно показали отсутствие оснований в обвинениях А. Таланкина.

Приведем некоторые выдержки из их выступлений: «Не обоснованы нападки докладчика на психотехнику... Непонятны нападки докладчика на психотехнику. Докладчик обвиняет психотехнику в кулацком уклоне. Это грубая ошибка. Обвинения психотехники в неправильной социальной установ-

ке, которые сделал Таланкин, совершенно бездоказательны. При нынешней постановке психотехники в армии возможны ошибки, но эти ошибки легко устранить» [7, с. 82]. В заключение выступили С.Г. Геллерштейн и И.Н. Шпильрейн, которые, кстати, еще до этого заседания критиковали постановку психотехнической работы в армии. Первый из них сказал: «Самое общее место в докладе — психотехника. Здесь докладчик обнаружил всю свою неосведомленность и немощность своей аргументации... В этом докладе наиболее сильные аргументы — это самоуверенность тона самого докладчика и то, что ему все ясно как апельсин». Шпильрейн как бы подвел итог обсуждению: «Докладчик ничего не говорит об интеллектуализме старой психологии, главным ее грехе. Психотехника идет теперь стихийно от интеллектуализма к изучению целостного трудового поведения. Здесь зародыш будущей материалистической теории психологии. Вообще доклад построен не исходя из знаний психотехнических фактов и критиковать его подробно означало бы построить новый доклад» [там же].

Обсуждение показало полное единодушие и недоумение всех выступавших относительно бездоказательной и безапелляционной критики психотехники и профессионального отбора. Такого поворота событий докладчик не ожидал и в кратком заключительном слове раскрыл карты. «В отсутствии марксистского взгляда повинны все психотехники, — заявил А. Таланкин, — которых на докладе оказалось слишком много. Все вопросы в докладе поставлены правильно и являются не только частными положениями докладчика, — продолжил он, — а утверждены К.Н. Корниловым, и очень жаль, что нет ни его, ни других психологов. Очевидно, они более заняты, чем психотехники» [7, с. 83]. Признание Таланкина позволяет сделать важные выводы. К.Н. Корнилов, которому не удается создать марксистскую психологию, все больше сосредоточивается на подавлении исследований в психологии, не соответствующих догмам марксизма. В декабре 1928 г. он спешит «отметиться» перед партийными органами, получив от них окрик за статью Л.С. Выготского «Психологическая наука в СССР». Показав идеологическим верхам, что он активен и оперативно реагирует в нужном для них направлении, К.Н. Корнилов не мог не понимать нелепости обвинения Л.С. Выготского, да и сотрудники института, наверняка, были в недоумении. Поэтому месяц спустя Корнилов организует уже атаку психологов на профессиональный отбор и психотехнику, которые высоко оценивались в статье Выготского. Замысел состоял в том, чтобы устами психологов заклеить профессиональный отбор и психотехнику и тем самым показать антимарксистскую сущность статьи Л.С. Выготского, не упоминая ученого и его публикацию. Не исключено, что написать статью в юбилейный номер сборника Выготскому предложил Троцкий, судьба которого уже была предопределена, но он еще оставался в руководстве партии. Такую статью в юбилейный сборник, посвя-

щенный десятилетней годовщине Великой Октябрьской революции, должен писать Корнилов, которому партийные органы поручили создавать марксистскую психологию. Но 1927 год — это пик политической борьбы Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина. Последнему и его аппарату, как показывают события в партии и стране, в это время было не до сборника статей о науке. «Кто умеет глядеть, — писал Л. Троцкий, — для того на улицах Москвы 7 ноября 1927 года разыгрывалась репетиция термидора» [52, с. 507]. Троцкий в разгар политической борьбы, приближая к себе близких по духу партийных соратников, а также отдельные слои рабочего класса и интеллигенцию, помогал им всем чем мог, находясь еще в руководстве партии. Его неподдельный интерес к науке и не в последнюю очередь к психологии известен был в партии, государстве и, естественно, среди ученых. Поэтому по установленному в партии порядку ему должны были дать на просмотр состав авторов, редакционной коллегии и названия статей сборника. Возможно, среди авторов был и Корнилов, но Троцкий, зная положение в психологии, поменял его на Выготского. Никто другой этого сделать не мог, а идеологи и партийные работники тогда еще не имели возможности возразить Троцкому. Поэтому, кстати, когда Корнилов и Таланкин выступали против профотбора и психотехники, не упоминался Выготский и не называлась его статья.

Подготовка Корниловым научного заседания и выступление на нем Таланкина — историческое свидетельство первой организованной попытки дискредитации психотехники. В данный период психотехника подверглась идеологической критике, так как Выготский с ней, а не с догматическим марксизмом связывал реформирование психологии. Идеологический меч партии навис над Л.С. Выготским в 1928 г. и мог стоить ему жизни.

3.3. Хронология развития психотехники

Психотехника развивалась в СССР с нулевой отметки, если не считать общих предпосылок изучения труда в России врачами и физиологами. Л.С. Выготский на основе исторического анализа утверждает: «... психотехника в России до революции не разрабатывалась вовсе. Из всей области прикладной психологии разрабатывалась педагогическая психология, да и это вызывало сильную оппозицию». И далее он приводит утверждение, которое находило приверженцев среди психологов СССР в 20–30-е гг. «Некоторые психологи по профессии, — говорит о них Мюнстерберг, — которые считают осквернением научного исследования, — цитирует зарубежного психолога Выготский, — всякое соприкосновение его с практической жизнью еще и теперь сочли бы за благо, если бы этот момент отодвинулся в далекое будущее» [8, с. 42].

И.Н. Шпильрейн зафиксировал три периода в развитии психотехники в СССР: 1) 1921–1924 гг.; 2) 1924–1926 гг.; 3) период начался в 1926 [69] и окончился уже без Шпильрейна в 1936 г. По сущест-

ву, конец третьего периода predetermined в 1929 г., когда состоялась первая организованная попытка ликвидации психотехники. После ареста в 1935 г. И.Н. Шпильрейна третий период закончился под руководством С.Г. Геллерштейна.

Первый период — это время от первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства (1921) до Второй конференции по научной организации труда. В этот период, отмечал И.Н. Шпильрейн, вопросы труда занимали центральное место. Больше всего и прежде всего говорилось о том, каким образом стимулировать производительность труда, как ликвидировать катастрофическое падение производительности, наблюдавшееся в 1920—1921 гг.

На первой конференции заслушаны два доклада по психотехнике и психологии труда — Г.И. Челпанова и И.В. Эвергетова, в которых сообщалось о состоянии этих научных дисциплин за рубежом. О задачах комплексного изучения человека в труде и создании для этих целей новой научной дисциплины — эргологии говорилось в докладах В.М. Бехтерева и В.Н. Мясищева.

Второй период. После первой конференции по научной организации труда и производства практические работы по рационализации были направлены на интенсификацию труда и привлечение рабочих на фабрики. «Но эти вопросы оставались академическими до тех пор, — подчеркивает Шпильрейн, — пока оплата труда рабочего была значительно меньше его прожиточного минимума. Поворотным пунктом было введение нэпа, который дал возможность поднять производительность труда и трудовую дисциплину» [69, с. 167]. В 1925 г. партийно-государственное руководство России приняло окончательное решение о курсе на ускоренную индустриализацию, и три года спустя после введения нэпа началось интенсивное развитие психотехники. Во второй период возросли интенсивность труда и, соответственно, требования к рабочему и его выработке. «Тогда психотехника, — согласно Шпильрейну, — стала у нас принимать понемногу приблизительно те же самые формы работы в смысле методов и постановки проблем, которые она имела в западно-европейских странах» [69, с. 169].

В конце второго и начале третьего периода Л.С. Выготский оценивает состояние психотехники. «Русская психотехника не пережила того кризиса, который на Западе был вызван “безудержным увлечением прикладной психологией в военное время” (Первая мировая война. — В.М.) и послевоенной реакцией на это увлечение, как справедливо отмечает профессор И. Шпильрейн (имеется в виду статья [56]. — В.М.), — один из первых русских психотехников. Поэтому она развивалась, — заключает Выготский, — эта революционная дисциплина — сравнительно ровным темпом и росла органически» [8, с. 44]. Выдающийся методолог науки констатирует, что в стране не только нормально, а органически развивалась новая научная и практическая дисциплина.

В Европе и Америке в начале XX в. психотехника, как правило, сводилась к профессиональному отбору, хотя проводились исследования и в других направлениях. «Значение научного определения профессии, — отмечал И.Н. Шпильрейн, — выяснилось впервые в широких размерах во время всемирной войны. Психологи всех воевавших стран, несмотря на вполне сознававшуюся ими неполноту теоретической подготовки психологии для решения громадных практических задач, приступили (особенно в Германии и Америке) к работе по массовому профессиональному отбору» [60, с. 3]. Шпильрейн тем не менее считает необходимым обстоятельно проанализировать данный уникальный опыт и прежде всего его влияние на формирование методов прикладной психологии в послевоенный период. «Самая общая постановка вопроса о пригодности данного человека для данной работы вынуждает психологически обследовать как работу, так и рабочего. Тогда, сравнив «профессиограмму» (т. е. описание профессии) с «психограммой» самого человека, можно определить, насколько он соответствует требованию профессии» [60, с. 4].

Перед второй конференцией по НОТ и в ходе ее проведения, отмечал С.Г. Геллерштейн, «не удалось добиться единого понимания НОТ и уяснить, что же это, наконец, такое НОТ» [14, с. 116]. Продолжали существовать два основных подхода к НОТ. Центральный институт труда (ЦИТ) «занимался исключительно изучением индивидуального труда, — писал И.Н. Шпильрейн, — рациональной рубки зубилом и шлифовкой и не интересовался теми организационными задачами, которые были насущно необходимы промышленности» [62, с. 112]. Однако во время НЭП, обращал внимание ученый, «научная организация труда перестала быть проблемой индивидуального труда и стала по существу вопросом *организационным*» [62, с. 111]. Так сформировались две платформы НОТ, как их называли в 20-е гг. Вторую разрабатывали П. Керженцев, В. Радусь-Зенкевич, А. Стопани, И. Шпильрейн, И. Бурдянский и другие известные деятели НОТ. Содержание данного подхода, опубликованного в 1924 г., в отличие от платформы ЦИТ, заключалось главным образом: «1) в сближении НОТ с основными экономическими проблемами современного хозяйства, 2) в «широком базисе» — охвате научной организацией труда всех производственных и управленческих работ, стоящих в порядке дня и 3) в максимально бережном и внимательном отношении к использованию рабочей силы» [62, с. 112]. На этой основе И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн осваивали тейлоровскую парадигму научной организации труда и производства.

Сторонники второй платформы надеялись, что она будет поддержана второй Всесоюзной конференцией по НОТ в 1924 г. Однако в программном докладе на конференции В.В. Куйбышева, как отмечал С.Г. Геллерштейн, «предложено было отрешиться от трактовки НОТ, как целостной научной систе-

мы... Этот программный доклад отчасти предопределил отношение конференции к идеологическим и принципиальным сторонам проблемы НОТ. В докладе была сделана попытка, — продолжал психотехник, — сгладить теоретические разногласия и придать всей работе конференции характер деловой и практической. Эта попытка отчасти удалась, хотя разногласия не сгладились до конца, и деловой тон не раз нарушался полным отсутствием деловитости в докладах» [14, с. 115–116]. Руководство страны, как мы видим, понимало и, соответственно, не принимало вектора развития научной организации труда и производства к тейлоровской парадигме. И об этом недвусмысленно написал С.Г. Геллерштейн. Примечательно, что и он, и И.Н. Шпильрейн подписали статьи только первыми буквами своих фамилий и имен. В 1931 г., когда в психологии проходила борьба на два фронта (с «механизмом» и «меньшевистствующим идеализмом»), А. Таланкин, выступая по поручению руководства Института марксизма, уже не обсуждал, а предписывал: «Нужно, чтобы психотехника не была оторвана от работы ЦИТ'а, как было до сих пор. Психотехники часто забывали о том, что ЦИТ'у придается важное значение в деле подготовки рабочих кадров» [27, с. 118].

Третий период — это время, когда в 1926–1927 гг. в основном восстанавливается промышленное производство и разрабатывается первый пятилетний план развития народного хозяйства. Промышленность вступает в новый этап развития. В этот период психотехника достигла пика развития нашей страны, откликаясь прежде всего на запросы рационализации труда и производства, которая понималась в 20–30-е гг. неоднозначно. И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн и другие психотехники, в принципе, не могли принять ее примитивное понимание как сам факт возможности производства, организационного упорядочения процессов работы, введение элементарной дисциплины и устранение хозяйственного хаоса. Они рассматривали ее так, как и их единомышленники в сфере научной организации труда и производства. Рецензируя в 1923 г. книгу И.М. Бурдянского «Что такое научная организация труда», Геллерштейн особо отмечал, что «автор отдает должное Тейлору в деле объединения в стройную систему элементов организации труда» [25, с. 133]. Принимая участие в 1924 г. в первом Международном съезде по научной организации труда (Прага, Чехословакия), И.Н. Шпильрейн по достоинству оценил поразительные результаты по мощности и продуктивности, как он говорил, организационной работы многих стран в данном направлении. «Необходимо признать, — заключал ученый, — свою отсталость в этом направлении и считать необходимым еще многому и многому — особенно у американцев — учиться» [61, с. 75].

Понятие «рационализация» (от *ratio* — разум), отнесенное к любой отрасли человеческой деятельности, имеет в виду, отмечал И.М. Бурдянский в 1929 г., наиболее *разумную*, наиболее *целесообразную*

организацию этой деятельности. «Понятие рационализации... отнесенное к хозяйственной деятельности и, в первую очередь, к промышленности, идя в последние годы текущего десятилетия на смену термину «научная организация»..., имеет в виду наиболее *разумную*, наиболее *целесообразную* организацию хозяйствования на базе *научных методов*, в целях достижения наибольших результатов при наименьших затратах средств (на единицу изделия определенного качества) и, следовательно, при наименьших потерях» [5, с. 1]. Как технико-экономические, так и социальные причины, фиксирует ученый, определили через «научную организацию» значение человеческого фактора в производстве. Почти во всех европейских странах появился прежде всего термин «научная организация труда». «Как лозунг, рационализация («революция мысли», по Тейлору) будет всегда сопровождать, — убежден Бурдянский, — хозяйственную деятельность человека» [5, с. 3].

Внося существенный вклад в решение названных практических задач и находясь под постоянным идеологическим прессом, психотехники страны под руководством и при самом активном и непосредственном участии И.Н. Шпильрейна, Л.С. Выготского и С.Г. Геллерштейна одновременно создавали отечественную научную школу психотехники. В калейдоскопе практических задач, решавшихся психотехникой, просматривалось целенаправленное формирование указанной школы.

3.4. Психотехническое движение

Психотехника развивалась не традиционным образом в отличие от традиционного «направление исследования — научная дисциплина»), т. е. как естественный процесс: появившаяся при определенных условиях ячейка научной деятельности с развитием специфической проблематики, методов и средств исследования оформляется затем в самостоятельную научную дисциплину. Психотехника развивалась первоначально как научное движение, для которого характерно возникновение общих идей, как бы пронизывающих все содержание исследований и разработок, вокруг которых идут споры и дискуссии, идей, фактически никого не оставляющих безучастными: в той или иной форме, в том или ином качестве каждый исследователь проявляет к ним свое отношение. В их обсуждение втягиваются широкие научные круги и представители общественности. Такой идеей была организация, а затем рационализация труда и других видов деятельности. В 1924 г. И.Н. Шпильрейн отмечал: «чувство... заинтересованности в рационализации производства и управленческого аппарата возрастает на наших глазах и захватывает все большие и большие круги, раньше совершенно инертно относившиеся к идее Научной Организации Труда» [59]. Наиболее емкий по содержанию раздел журнала «Советская психотехника» назывался «Психотехническое движение».

В 20–30-е годы психотехническое движение буквально охватило всю страну, существенно содействуя развитию научной организации и охраны труда. На промышленных предприятиях, железнодорожном транспорте, в армии, в военно-воздушных силах и гражданском воздушном флоте действовало свыше 200 психотехнических подразделений. Отдельные лаборатории работали в научных институтах и при различных предприятиях, коммунальных хозяйствах.

Известный психотехник А. Шушаков в статье под характерным для тех лет названием «Боевое задание» подробно и всесторонне описывает в 1930 г. программу развития психотехники Большого Урала. Главная причина ее создания, подчеркивает ученый, в том, что «тяжелая металлургия и прочие виды уральской промышленности предъявят в самом скором времени советской психотехнике счет, о котором нужно подумать и к которому надо приготовиться заблаговременно, чтобы он не был неожиданным» [73, с. 63]. Рассматривая психотехнику как важное направление рационализации труда и производства, сообщает ученый, Уральский областной исполнительный комитет предложил заводам, фабрикам и предприятиям транспорта создать в тесном взаимодействии с НКТ сеть из 11 психотехнических лабораторий в наиболее крупных промышленных центрах Урала. При этом повышение квалификации научных работников создаваемых лабораторий вызвались осуществить Всесоюзное психотехническое общество и Ленинградское бюро профконсультации НКТ.

В решении предусмотрено, что потребность в приборах для научных исследований и практических работ будет удовлетворена с открытием на Урале завода серийной психотехнической и физиологической аппаратуры. Руководитель психотехнической лаборатории Пермской железной дороги (г. Свердловск) А. Шушаков являлся пионером в этом деле. Лаборатория сконструировала ряд специальных, довольно сложных аппаратов и установок для производственного обучения железнодорожных машинистов, составителей поездов и диспетчеров. Смысл этой системы обучения заключается в активности обучаемых, которые хотя и находились под руководством опытных инструкторов и психотехников, сами анализировали и определяли наилучшие для работы приемы и правила, закрепляя их в процессе тренировки. Обучение в лаборатории прошли сотни работников. Обучение по системе лаборатории признано обязательным на Пермской железной дороге. Один свердловский узел железной дороги терял ежедневно от неправильно проводимых маневров поездов до 20 тысяч рублей. При экономии в 33% за счет обучения по системе лаборатории общая сумма финансовых потерь сократилась на несколько миллионов ежегодно.

В программе развития психотехники на Урале содержались все направления работ, в том числе «психотехническая оценка сигнализационных установок и приборов управления сложных механизмов с точки зрения посильности работы на них для психофи-

зиологических ресурсов среднего рабочего, совместная работа психотехников с конструкторами в создании более совершенных способов в управлении всеми этими сложными и дорогими машинами. Наконец, работы в пограничной области психотехники и НОТ по ряду вопросов, начиная с исследования утомляемости, которое должно быть положено в основу рационального нормирования труда, до проблемы психологических стимулов к работе» [73, с. 64]. В перспективе предусматривалось создание на Урале высшего учебного заведения для подготовки психотехников, физиологов труда и специалистов в области научной организации труда. Ставилась задача открыть кафедры психотехники в высших технических учебных заведениях «для внедрения в молодые инженерные кадры основ психотехнической рационализации» [там же]. Конкретная цель программы — освоить на Урале в полном объеме новую для страны научную и практическую дисциплину. В 1932 г. буквально за год с небольшим Урал покрылся сетью психотехнических лабораторий на заводах. Объясняется это кроме обстоятельств, на которые указал А. Шушаков в статье, еще и первоначальной попыткой партийно-государственного руководства России свести программу научного обеспечения индустриализации к развитию так называемой «заводской» науки. «Российские марксисты, по-видимому, всерьез полагали, — считает историк Б.И. Козлов, — что связь теории и практики тем сильнее, чем ближе друг к другу (в буквальном смысле этого слова!) научные учреждения и промышленные предприятия. Из этого вытекала политика всемерного развития заводских и трестовских лабораторий, непосредственно включенных в производственный процесс» [32, с. 50–51].

Развитие психотехники в отдельных регионах страны — одна из форм ее организации. Оживленная научная и практическая психотехническая работа проводилась в лабораториях Урала, Грузии [41] и некоторых других республиках.

Работа на железнодорожном транспорте — характерный пример ведомственной организации психотехнических исследований и разработок. Кроме Центральной психотехнической лаборатории в Москве, которую возглавляла известный психотехник А.И. Колодная, Народный комиссариат путей сообщения имел лаборатории в Ленинграде, Ростове, Харькове, Саратове, Тифлисе, Курске, Свердловске. Помимо этих лабораторий, большая часть которых оборудована как лучшие зарубежные, на транспорте имелись два вагона-лаборатории (один в Москве, другой в Ростове), оборудованные всей необходимой для проведения исследований аппаратурой.

В 1931 г. насчитывалось 141 бюро и лабораторий профессиональной консультации, в которых психотехники работали совместно с врачами и педагогами. Наиболее известная лаборатория профессиональной консультации действовала при Институте по изучению мозга и психической деятельности. Под руководством ученика В.М. Бехтерева и сотрудника ин-

ститута — А.Ф. Кларка проведено массовое обследование подростков, направляемых в фабрично-заводские училища. В 1930 г. организован Межведомственный совет по профконсультации и профотбору при НКТ СССР, включавший представителей заинтересованных ведомств и учреждений (ВСНХ, НКТ, НКЗдрава, НКПроса, НКПС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Всесоюзного психотехнического общества, Института кадров, Института охраны труда, Центральной лаборатории на транспорте и других). «В настоящее время, — писал в 1930 г. известный психотехник В.М. Коган, — пожалуй, трудно найти педагога, врача, инженера, незнакомого в общих чертах с кругом вопросов, изучаемых так называемой психотехникой. Для многих психотехника кажется настолько кредитоспособной, что они доверили бы ей решение самых сложнейших задач, которые, быть может, не под силу ни одной из существующих наук о человеке в наше время» [30, с. 3].

3.5. Организационное становление практической психологии

Психотехника стимулировала тесное сотрудничество психологов, физиологов, гигиенистов труда, инженерно-технического персонала предприятий, специалистов организации и охраны труда. Новым этапом синтезирующих тенденций в психотехнике и ее методологического единения с психологией, рефлексологией, педологией, нейрофизиологией, невропатологией, педагогикой и другими психоневрологическими науками стали подготовка и проведение Первого всесоюзного съезда по изучению поведения человека (Ленинград, 1930 г.), в котором активное участие приняло Психотехническое общество. На пленарном заседании наряду с А.Б. Залкиндом, К.Н. Корниловым, С.С. Моложавым, И.Д. Сапиром сделал доклад И.Н. Шпильрейн «Задачи психотехники в реконструктивный период». На съезде работала психотехническая секция, на которой с докладами выступали С.Г. Геллерштейн и другие ученые, а на двух ее заседаниях проходило внутрисъездовское военное совещание по вопросам психофизиологии в армии.

Решение практических задач совершенствования трудовой деятельности, улучшения условий труда, повышения производительности и безопасности на производстве и транспорте было той реальной основой, на которой укреплялась взаимосвязь и взаимодействие наук о трудовой деятельности. В 1932 г. в резолюции конференции по психотехнике, созванной по инициативе Всесоюзного электротехнического объединения, отмечалось, что «результаты работы лабораторий подтверждают целесообразность и своевременность постановки изучения человеческого фактора и его влияния на протекание трудового процесса в производственной обстановке» [51]. На этой конференции всеобщее внимание привлек доклад А.Ф. Гольдберга, так как в деятельности руководимой им лаборатории на Московском электрозаво-

де нашли отражение некоторые общие тенденции решения задач психотехники на производстве. Одной из особенностей работы лаборатории явилось то, что ее сотрудники действовали в тесном контакте с рабочими, которые были не только испытуемыми, но и активными участниками всех проводимых мероприятий. «Проводя подробный производственно-психофизиологический анализ процесса работы на агрегатах, — говорил А.Ф. Гольдберг, — детально ознакомившись с санитарно-гигиеническими условиями цехов и основными психофизиологическими особенностями работающих на агрегатах, лаборатория дала ряд предложений, охватывающих рабочее место, сидение, рабочие движения, режим рабочего дня, рациональный пищевой режим и т.д.» [51, с. 185].

В русле психотехнического движения формировалась научная дисциплина — практическая психология, которая называлась тогда психотехника. Первые лаборатории психотехники возникли в нашей стране в 1921—1922 гг. В созданном в 1921 г. А.К. Гастевым Центральном институте труда действовала психотехническая лаборатория, в которой непродолжительное время работал И.Н. Шпильрейн. Уже в 1922 г. он, как отмечалось, организует и возглавляет лабораторию психотехники в НКТ, в которой с самого начала работает С.Г. Геллерштейн. В это же время проводили психотехнические исследования Всеукраинский институт научной организации труда и Казанский институт научной организации труда.

Еще при Г.И. Челпанове программу исследований проблем психотехники разрабатывал Психологический институт. В 1919—1922 гг. действовали лаборатории рефлексологии труда, экспериментальной психологии, психологии профессиональных групп, а затем Центральная лаборатория по изучению труда в Институте по изучению мозга и психической деятельности, возглавлявшегося В.М. Бехтеревым. Он направлял реорганизацию и расширение указанной лаборатории, а затем преобразование ее в Отдел труда. Ученый принял деятельное участие в организации Ленинградского отделения Всероссийского общества психотехники и был избран его председателем, а также стал членом правления Всероссийского общества психотехников. В армии, начиная с 1921 г., создается сеть психофизиологических лабораторий, включая и центральную психофизиологическую лабораторию РККА.

В Москве действовали психотехнические лаборатории в Институте профзаболеваний им. Обуха, Центральном институте физической культуры, а также психотехнические исследования проводились в Центральной педологической лаборатории Московского отдела народного образования. Психотехническая лаборатория, созданная в 1927 г. в Высшем художественно-техническом институте после реорганизации Высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), действовала до 1930 г. Исследовалась профессиональная пригодность лиц, желающих заниматься архитектурой или уже работающих в этой области. «Намечен

метод для психотехнического отбора студентов, поступающих на Архфак. Проверка глазомера, чувства отношений, чувства способностей пространственного воображения и комбинирования» [54, с. 407]. Лаборатория принимала участие в организации труда при проектировании (технике проектирования), разработан был проект реорганизации «чертежного места». Лаборатория привлекалась для изучения непосредственного воздействия на психику элементов архитектуры. Профессором Н.А. Ладовским сконструирован ряд психотехнических приборов, с помощью которых можно проводить исследования профессиональных качеств архитекторов. В 1930 г. организована Центральная психотехническая лаборатория почты и телеграфа.

В 1925 г. на базе лаборатории психотехники, а также группы профессиональной гигиены и химической лаборатории НКТ организуется Институт охраны труда как межведомственный институт НКТ, Народного комиссариата здравоохранения и Всесоюзного Совета народного хозяйства. Одним из ведущих подразделений института стало психотехническое отделение, возглавлявшееся И.Н. Шпильрейном. Ядро отделения составили несколько квалифицированных сотрудников, подготовленных в лаборатории психотехники НКТ. «Эта лаборатория принесла с собой в институт некоторые завоевания и сложившиеся традиции научного исследования» [24, с. 78].

К некоторым достижениям лаборатории, как отмечают С. Геллерштейн и Ю. Шпигель, прежде всего относятся солидный опыт научно-исследовательской и практической работы, охватившей основные разделы психотехнической проблематики: профессиональный подбор, режим труда и связанная с ним проблема изучения утомления и работоспособности, рационализации рабочего места, воздействие на рабочих плакатов по безопасности и др. В методическом отношении лаборатория достигла наивысшего уровня в разработке методов психологического анализа профессий. В активе лаборатории был цикл исследований закономерностей процесса упражнения, организованного таким образом, чтобы оценить прогностическую силу тестов и сравнительную упражняемость различных профессионально важных качеств [24].

Начиная с 1925 г. в Институте охраны труда под научным руководством и при непосредственном участии Н.А. Бернштейна проводятся значимые для отдела психотехники работы по совершенствованию методов исследования рабочих движений и в области биомеханики. В 1926 г. И.Н. Шпильрейн предложил А.Н. Бернштейну принять участие в комплексной работе психотехников и получил согласие ученого. Методический опыт в области техники изучения движений систематизирован и обобщен в изданном в 1934 г. Институтом руководстве «Техника изучения движений». Издание вышло под общей редакцией Н.А. Бернштейна, он же является автором трех основополагающих разделов руковод-

ства: «Основные пути и методы фотоизучения движений», «Общая техника цикло съемки», «Таблицы для расчета координат, скоростей и ускорений центров тяжести систем» [24, с. 450].

Отделение психотехники Института охраны труда стало методическим центром научно-практической работы в области психотехники, а сектор Института психологии, как считали И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн, должен стать ведущим подразделением теории и методологии.

Для психотехники, как отмечал С.Г. Геллерштейн, уже на самом раннем этапе ее развития характерно было стремление к возможно более детальному и полному изучению психологических особенностей профессий в важнейших отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Инициатором психотехнического изучения профессий был И.Н. Шпильрейн, который с этой целью объединил группу специалистов: психологов, физиологов, врачей, инженеров, экономистов и др.

Первые работы по методике профессиографирования принадлежат И.Н. Шпильрейну [58], С.Г. Геллерштейну [15]. Наиболее последовательно обоснована методическая база профессиографии в работе И.Н. Шпильрейна [66]. Методическая статья о трудовом методе Шпильрейна и три статьи о применении этого метода к изучению профессий телефонистки, ткачихи и к производству электрических лампочек содержатся в сборнике под редакцией Шпильрейна [53]. В первой половине 20-х гг. И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн проводят методически значимое профессиографирование профессий вагоновожатых московского трамвая [64] и наборщика типографии [19]. Применяя трудовой метод, Шпильрейн становится вагоновожатым, а Геллерштейн — наборщиком типографии. Психотехники изучали также труд крестьянина и грузчика, профессии на водном транспорте, горняков, деревообделочников, текстильщиков, трактористов, железнодорожников, строителей, продавцов, кожевников, библиотекарей, педагогов, медицинских работников, шоферов, телефонисток, радиотелеграфистов, стенографов, сортировщиков писем, а также профессии в металлообрабатывающей, электротехнической, полиграфической, химической, нефтяной, легкой промышленности, чаеразвешочного производства и многих других. Общей целью было изучить и описать все профессии в стране, составить картотеку всех описанных профессий. Решая те или иные задачи, психотехник мог воспользоваться уже готовыми добротными и составленными по единой методике профессиограммами. При этом каждому психотехнику рекомендовалось изучить одну—две профессии самостоятельно. В результате качественно выполнялись задачи психотехники и существенно сокращались сроки практических работ. Самое же главное — накапливался огромный фактический материал и совершенствовались методы изучения деятельности человека.

Первая Всесоюзная конференция по психофизиологии труда и профессиональному подбору, состоявшаяся в июне 1927 г., показала значительный размах как практической, так и теоретической психотехнической работы. На пленарных заседаниях и шести секциях было заслушано и обсуждено свыше 100 докладов. Конференция положила начало деятельности Психотехнического общества, объединившего уже 101 члена профессионального сообщества. В этом же году на IV Международной конференции по психотехнике в Париже советская делегация была одной из самых крупных. Двух представителей СССР — И.Н. Шпильрейна и руководителя клиники нервных болезней при 1-м МГУ Г.И. Россолимо включили в состав международного правления психотехнических съездов.

3.6. Докладная записка партийной организации Психотехнического общества в ЦК ВКП(б) и попытка разгрома психотехники

Всевозрастающий размах психотехнического движения в стране и ответственность задач, возлагаемых на психотехников («ежегодно психотехнические исследования определяют в СССР профессиональную судьбу более чем 100 тысяч человек», — отмечалось на заседании Психотехнического общества), побудили ученых и специалистов информировать об этом ЦК ВКП(б) и Главное управление науки, а также поставить ряд неотложных задач, которые невозможно решить без согласия и поддержки партийных и правительственных органов. С этой целью фракция ВКП(б) Всероссийского психотехнического общества заслушала доклад И.Н. Шпильрейна «Положение психотехники в СССР и очередные задачи Психотехнического общества» и направила в марте 1928 г. соответствующую докладную записку в ЦК ВКП(б) и Главнауку. Записка состояла из трех разделов: 1. Общие задачи психотехники, 2. Деятельность Психотехнического общества, 3. Предложения.

Первый раздел начинается со следующего утверждения: «Психотехника имеет особые задачи..., не совпадающие с задачами психологии» [43, с. 315]. Затем под воздействием идеологической критики психотехники отказываются от ранее высказанного положения и подчеркивают: «Психотехника не нейтральна ни в идеологическом, ни в общественном отношении» [там же]. Далее достаточно подробно описывается, какие задачи решает психотехника и каковы направления деятельности Психотехнического общества. Обращается внимание на стихийный характер психотехнического движения в отдельных регионах страны без необходимых научных и методических оснований профессиональной деятельности. В этой связи докладная записка содержит напоминание: «Психотехническим обществом возбуждено перед Совнаркомом СССР ходатайство о распространении его деятельности на всю территорию Союза» [43, с. 317].

Записка написана во имя двух взаимосвязанных задач, нерешенность которых стала сдерживать и главное — вела к профанации психотехники и движения в целом. Количество теоретически подготовленных психотехников в стране ничтожно, отмечается в документе, а краткосрочные курсы разных ведомств выпускают большое число «фельдшеров» от психотехники, знакомых только с техникой проведения испытаний и подсчета, но не знающих теории.

В систему советского профобразования подготовка психотехников не включена. Тогда как во Франции, отмечается в записке, в 1928 г. начало функционировать высшее учебное заведение при Сорбонне, имеющее задачей подготовку психотехников. В Германии принята программа подготовки психотехников в высших технических учебных заведениях. Поэтому фракция ВКП(б) Психотехнического общества в третьем разделе докладной записки считает необходимым: «Скорейшее осуществление подготовки работников по психотехнике, связанной со всей системой советского профобразования и не носящей характера переподготовки врачей, педагогов или психологов на краткосрочных курсах по психотехнике... Создание достаточно авторитетного научно-исследовательского (без непосредственных практических задач) учреждения по психотехнике и профотбору» [43, с. 318]. Особо выделена задача реорганизации психофизиологической службы в Красной армии с целью налаживания правильного сотрудничества между военными и гражданскими научно-исследовательскими организациями, а также обеспечение достаточной профессиональной подготовки психофизиологов для решения соответствующих задач в армии. Высказано также желание о поддержке психотехнического журнала, Психотехнического общества и издания литературы по психотехнике.

Доклад И.Н. Шпильрейна на фракции ВКП(б) Всероссийского психотехнического общества и докладная записка, направленная в ЦК ВКП(б) и Главнауку, — единственный и последний партийный документ, содержащий конструктивные и позитивные предложения о развитии психотехники. Он мог быть подготовлен и направлен в ЦК ВКП(б) при масштабном размахе психотехнического движения в СССР и существенных достижениях новой области, научной и практической деятельности. Работу по прикладной психофизиологии и психотехнике вели 104 организации семи наркоматов. В отраслях промышленности, где проявлялся интерес к психотехнике, проводились совещания. Так, в 1932 г. по инициативе Всероссийского психотехнического общества и Института кадров «Угля» состоялось в Донбассе совещание по психотехнике в угольной промышленности, в котором приняли участие И.Н. Шпильрейн, В.М. Коган, А.И. Розенблюм и другие ведущие психотехники страны. С.Г. Геллерштейн и С.Г. Дубец выступили с докладом «Задачи психотехники в угольной промышленности». Сводный доклад бригады о планах работ по психотехнике на 1932—1933 гг. и о направле-

ниях работ на вторую пятилетку Института кадров «Угля» и Института организации безопасности труда сделал М.Ю. Сыркин.

Реакция ЦК ВКП(б) на докладную записку не могла не последовать и не только потому, что в ней обоснованно утверждалось — «необходима государственная регламентация деятельности психотехников» [43, с. 315]. Сотрудники ЦК ВКП(б), знакомившиеся с докладной запиской, находились, как можно предположить, если не в шоке, то в недоумении. В стране развилось мощное движение трудящихся и интеллигенции без какого-либо влияния марксизма, руководства партии и без государственной регламентации. В докладной записке слов таких нет, если не считать шестого пункта раздела «Предложения», где говорится: «классовая линия, которая при нынешней организации подбора не может быть гарантирована» [43, с. 318]. Имелся в виду профподбор в школы ФЗУ, проводимый преимущественно с помощью тестов на интеллект. Не меньшее удивление в ЦК ВКП(б), несомненно, вызвало известие, что в психотехническом движении вот-вот возникнет, опять же без указанного влияния и руководства, новая научная и практическая дисциплина, отличная от психологии, которую, как подчеркивали авторы записки, «ни в коем случае нельзя рассматривать только как область философского исследования» [43, с. 315]. С этого момента партия берет в свои руки судьбы психотехники.

В руководящих кругах партии не оставалось и тени сомнения, что наиболее идеологически опасным явлением в психологии стала психотехника. Свою сплоченность и теоретическую зрелость психотехники продемонстрировали, дав отпор неуклюжим попыткам К.Н. Корнилова и А. Таланкина дискредитировать профессиональный подбор и психотехнику и тем самым опорочить Л.С. Выготского за его статью «Психологическая наука в СССР». После этого психотехники с удвоенной энергией продолжали развивать свое детище. Л.С. Выготский, выступив открыто теоретиком и методологом психотехники, связывал с ней коренную перестройку психологии. Такого теоретика и методолога в мировой психотехнике не было. При методологическом усилении психотехника превращалась в серьезное научно-практическое направление, фактически демонстрировавшее возможность нормального развития науки вообще и психологии в частности, а не того, которое насаждалось догматическим марксизмом и его начетчиками в 20–30-е гг. XX в.

В таких случаях партия прибегала к экстренным мерам. В 1929 г. И.Н. Шпильрейну предлагают выступить с докладом в идеологическом учреждении Коммунистической академии, а в следующем году — Л.С. Выготскому на тему «Педология и психотехника». Таким образом, докладной запиской психотехники вызвали «огонь на себя». Не следует забывать, что в 1928 г. достигла апогея борьба Сталина и Троцкого и началась расправа с последним, который по направленности своей деятельности не мог относиться

отрицательно к развитию психотехники. Будучи выдающимся организатором науки и членом партии, И.Н. Шпильрейн точно определил или, может быть, почувствовал необходимость обращения по партийной линии в ЦК ВКП(б) именно в 1928 г. Не случайно, что именно в этом году Л.С. Выготский развернуто выступил по проблемам психотехники. К данному времени психотехническое движение в стране приобрело поистине государственный размах и зримо проявилась социально-экономическая значимость всех практических задач, решаемых психотехникой. Ни НКТ, ни отдел психотехники Института охраны труда, ни Психотехническое общество в отдельности и вместе взятые не могли уже справиться с грандиозностью того общенародного дела, которое они породили. Время обращения психотехников в ЦК ВКП(б) связано еще и с тем, что в стране резко менялась политическая обстановка. В начале 1928 г. Сталин устроил показательный судебный процесс над инженерами — якобы участниками вредительской организации, действовавшей в Шахтинском и других районах Донбасса. В конце 1927 г. на XV съезде партии Троцкий, Каменев и Зиновьев были исключены из рядов ВКП(б). В начале 1928 г. Троцкого выслали в Алматы, а всех его сторонников — в разные места страны. Направляя докладную записку в ЦК ВКП(б), лидеры психотехнического движения надеялись, что в 1928 г. партийное руководство одобрит проделанную работу и поддержит все их предложения. Тем более, что первый партийный документ в сфере психотехники носил строго деловой и конструктивный характер.

Однако обсуждение в 1929 г. доклада И.Н. Шпильрейна «Психотехника в реконструктивный период» в Коммунистической академии планировалось как разгром психотехники, так как попытка А. Таланкина нанести смертельный удар по ней не увенчалась успехом. К.Н. Корнилов направил для участия в обсуждении доклада И.Н. Шпильрейна ученого секретаря института Ф.А. Ковтунову и своего аспиранта Н.Ф. Курманова, который, по словам его учителя, хорошо уже подготовлен для обоснования марксистской психологии [33], а также научных сотрудников Н.А. Рудика и М.Н. Белокопытову.

В сложной и опасной для психотехники ситуации И.Н. Шпильрейн принимает единственно правильное решение — не защищаться и говорить о научных и практических достижениях, а упредить погромные выступления и занять наступательную позицию и прежде всего по отношению к МГИЭП, что ему блестяще удалось, в том числе и благодаря выдающимся бойцовским качествам.

Обсуждение доклада создавало впечатление научного анализа состояния и перспектив развития психотехники. О ее разгроме прямо не говорилось. Основной удар наносился по дифференциальной психологии В. Штерна, от которой, по предложению ряда выступавших и прежде всего сотрудников МГИЭП, психотехника должна отказаться. И.Н. Шпильрейн сразу же понял замысел организаторов обсуждения его доклада. «Штерн дал систему

дифференциальной психологии, — говорил он в заключительном слове, — и психотехники пользуются его работой потому, что без дифференциальной психологии нельзя строить психотехнику» (*подчеркнуто В.М.*). И затем добавил: «Когда у нас будет марксистская дифференциальная психология, которую, может быть, понимает кто-нибудь из выступавших товарищей, то тогда мы, конечно, книжку Штерна положим на полку для исторических справок, а заниматься будем по этому учебнику марксистской дифференциальной психологии» [69, с. 196]. Уместно напомнить, что в 1929 г. публикуется содержательный и интересный сборник статей «Элементы дифференциальной психологии» под редакцией К.Н. Корнилова. В книге отмечается, что «основателем дифференциальной психологии признается Вильям Штерн» [74, с. 9] и приводится много выдержек из его книг.

Л.С. Выготский не был на докладе И.Н. Шпильрейна, так как после него он должен выступать в той же Коммунистической академии. Поэтому, как нам представляется, ему важно знать результаты обсуждения доклада Шпильрейна, не принимая участия в нем. Выготский понимал, как следует из содержания его доклада, что его, как и Шпильрейна, идеологически тестируют на случай возможной ликвидации психотехники и педологии. Принимая во внимание, что Шпильрейн и его коллеги дали достойный отпор попытке ликвидации психотехники, Выготский, позитивно оценивая развитие психотехники, в докладе основное внимание уделяет педологии и методологически блестяще обосновывает необходимость и возможность дальнейшего ее развития как науки о целостном развитии ребенка, без связи с которой не может полноценно развиваться детская психология. Нетрудно заметить, что такой же методологический ход применим и по отношению к психотехнике и психологии труда. Одновременно, извлекая урок из обсуждения доклада Шпильрейна, Выготский упреждает события и заявляет: «И если бы мы сейчас с вами, например, проголосовали бы здесь, что педология как самостоятельная наука не может существовать, прекратили бы всякие педологические исследования, то мы не могли бы вычеркнуть из действительности того ее разреза, того рода связей, которые без педологии никогда другой наукой не могут изучаться. А если они будут изучаться другой наукой, то она будет той же самой педологией, только носящей другое имя» [10, с. 175].

Ведущая роль в попытке разгрома психотехники отведена была Н.Ф. Курманову, который после обсуждения доклада И.Н. Шпильрейна опубликовал в 1930 г. статью, обнажая «антимарксистскую» сущность психотехники. Шпильрейн считал необходимым сразу же в этом году обстоятельно и бескомпромиссно ответить на критику. В связи с преждевременной смертью Курманова в уже подготовленном для печати тексте статьи Шпильрейн опустил все, что касалось разбора его научных работ, хотя сде-

ланный анализ мог бы более выпукло представить профессиональный облик психолога, «умевшего, — по словам Корнилова, — защитить проводимую им идеологию от всякого рода извращений и натисков» [33, с. 289]. Примечательно замечание В. Боровского, который при поступлении Курманова в аспирантуру в МГИЭП оценивал его вступительный реферат и столкнулся с большими затруднениями: «Рядом с оригинальными мыслями — места просто неграмотные» [4, с. 291]. Об этом же свидетельствует и разбор Шпильрейном критических замечаний в свой адрес аспиранта Корнилова.

Создавая видимость объективного научного анализа, Н.Ф. Курманов разбирает доклад И.Н. Шпильрейна «Психотехника в реконструктивный период» на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека (Ленинград, 25 января — 1 февраля 1930 г.), а не тот же доклад, состоявшийся в 1929 г. в Коммунистической академии. Одновременно данным выбором демонстрируется, что И.Н. Шпильрейн не сделал каких-либо серьезных выводов из критического обсуждения доклада в 1929 г., хотя его доклад на съезде отнесен был к числу «дававших непосредственную установку для работы всего съезда» [1, с. 225]. Он значился среди докладов философов Н.К. Луппола, Н.А. Карева, а также психологов, физиологов, педологов А.Б. Залкинда, К.Н. Корнилова, Л.М. Розенштейна, И.Д. Сапира, С.С. Моложавого. «Развернувшаяся на съезде работа, — констатирует С. Антонюк, — дала победу марксистской психологии. Механистические тенденции, вскрывшиеся на съезде (доклад проф. А.Г. Иванова-Смоленского и доклад П.К. Анохина), получили отпор» [1, с. 226]. В числе подвергшихся остракизму доклад И.Н. Шпильрейна не значился.

После съезда, продолжая насажать догматический марксизм в психологии, К.Н. Корнилов и Н.Ф. Курманов не могли больше терпеть непреклонность И.Н. Шпильрейна в отстаивании «антимарксистских» взглядов и обратились, как нам представляется, в партийные органы, где получили добро на его идеологическую дискредитацию и, соответственно, на разгром психотехники. Не исключено, что инициатива в таком обращении могла принадлежать Н.К. Лупполу или Н.А. Кареву, которые выступали на съезде с докладами: «Наука в реконструктивный период» и «Дискуссия диалектиков с механистами». В результате появилась разгромная статья Н.Ф. Курманова, за которой явно просматривается тень К.Н. Корнилова. Выбранные Курмановым для критики произведения Шпильрейна убеждают, что он был заинтересован не столько в понимании и объективном изложении научного творчества Шпильрейна, сколько в подборе работ, в которых содержится определенная концепция, чтобы именно ее подвергнуть критике. Этой мишенью стало в данном случае изложение теории В. Штерна. «Именно в трех критикуемых Н.Ф. Курмановым работах, — указывает Шпильрейн, — я наиболее подробно остановился на этом авторе» [68, с. 410]. В этой связи статья Курманова — лишнее доказательство попытки раз-

грома психотехники в 1929 г. при обсуждении доклада Шпильрейна и свидетельство начала ее действительного уничтожения.

Рассматривая обвинения, И.Н. Шпильрейн показывает их несостоятельность как в плане марксизма, так и психологии. Анализ критических замечаний проводится обстоятельно и в академической манере. Однако иногда он вынужден ограничиваться лаконичными фразами типа: «Я думаю, что опровергать это примечание не стоит» [68, с. 413]. Следует заметить, что Корнилов, оценивая заслуги своего аспиранта в борьбе против различных уклонов от марксистской линии, специально выделяет данную статью о Шпильрейне. Может быть, Корнилова восхитил следующей пассажем Курманова: «Таким образом, профессор Шпильрейн или по простоте душевной, или по причине своей полной безграмотности или, наконец, по причине сознательного желания ошельмовать революционную теорию марксизма (для разгрома психотехники сказаны все слова. — В.М.) даже и не замечает, что его принципам, его теории нечего и расходиться с принципами революционного марксизма по той простой причине, что они еще не были и, надо быть уверенными, не будут вместе, ибо ничего не имеют общего между собой» [34, с. 411].

И.Н. Шпильрейн обстоятельно рассматривает идеологические обвинения во второй части своей статьи под названием «О талмудизме и марксизме». Раздел начинается с констатации: «В статье Н.Ф. Курманова находится далее обвинение меня в борьбе против «марксизма», по его мнению, талмудизма в психологическом институте и указание на продолжительную обработку меня «марксистскими» теориями Франфурта, Корнилова, Сапира и самого автора» [68, с. 414]. Перед нами важное свидетельство того, что дискредитация лидера психотехнического движения началась после неудавшейся «продолжительной обработки» И.Н. Шпильрейна.

Возникает вопрос: «Когда же началась указанная обработка И.Н. Шпильрейна, если о ней сообщается в 1930 г.?». Несомненно, это произошло уже в 1924 г., когда К.Н. Корнилов стал директором Института психологии и объявил о своих планах перевода психологии на марксистские рельсы. Перестройка структуры института в соответствии с этими планами не могла не включать сильного подразделения прикладной психологии, и поэтому Корнилов вынужден был пригласить Шпильрейна с его командой. Будучи далек от проблем психотехники, Корнилов, как представляется, с самого начала многие из них воспринимал настороженно, особенно при попытках, говоря словами Л.С. Выготского, логического наложения их на догматические положения марксизма. Когда же в Институте появился еще один «марксистский» идеолог в лице аспиранта, то руководитель посвятил его во все свои настороженности относительно И.Н. Шпильрейна и отдал это дело всецело на откуп Н.Ф. Курманову.

3.7. Завершающий этап создания отечественной научной школы психотехники

Определенная зависимость от МГИЭП, насаждавшего в психологии догматический марксизм, и проходившие в нем в этой связи одна за другой дискуссии положили конец иллюзорным надеждам на развитие в нем теории и методологии психотехники. Самое же главное, что теория психотехники в принципе не могла быть разработана в МГИЭП. Более того, руководство института тормозило развитие указанной теории, так как настоятельно добивалось создания психотехники как прикладной отрасли психологии (психологии труда).

И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн проявили разумную осторожность, когда первую совместную тему «Проблема упражняемости в изучении профессий», включенную в план института, сформулировали так, чтобы она не претендовала на методологический статус. Они вообще занимали отстраненное отношение ко всем идеологическим дискуссиям и акциям, не отдавая отчета в том, что с точки зрения идеологов партии — это скрытая и потому более опасная вражеская позиция. Их попытка доказать, что методы и технические приемы сугубо практической психотехники нейтральны по отношению к любому общественному строю и все зависит от того, кто и в каких целях их применяет, стала одним из центральных идеологических обвинений ученых. Несмотря на то, что они уже в 1928 г. отказались от такой формулировки.

И.Н. Шпильрейн, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн и другие психотехники, поняв складывающуюся идеологическую ситуацию в стране и институте уже в конце 1928 г. и особенно в 1929—1931-е гг., публикуют наибольшее число теоретических и научно-практических работ по психотехнике. И тем в основном успевают оформить созданную отечественную научную школу психотехники.

Особо следует выделить доклад Л.С. Выготского на VI Международной конференции по психотехнике (1930) «Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования» [9] и тезисы доклада на психотехническом съезде (1931) «Практическая деятельность и мышление в развитии ребенка в связи с проблемой политехнизма» [36], а также сборник статей Л. Выготского, С. Геллерштейна, Б. Фингерта, М. Ширвиндта «Основные течения современной психологии» [13]. В последней работе отечественная психотехника рассматривается в числе основных течений современной психологии и этому посвящена теоретическая статья С.Г. Геллерштейна «Психотехника». Сборник явно иницирован Л.С. Выготским, И.Н. Шпильрейном, С.Г. Геллерштейном и стал проявлением борьбы за существование и развитие психотехники. Опальный Шпильрейн формально не имел отношения к сборнику, а Выготский был автором двух статей. Редакторы сборника — Фингерт и Ширвиндт, первый из них к тому же автор заглавной статьи «К вопросу о построении научной психоло-

гии». К названию статьи имеется примечание: «В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором 15 января 1929 г. в ленинградском Институте марксизма на тему «Основные принципы научной психологии и учение об условных рефlekсах» [13, с. 5]. Одним словом, ученые были вынуждены прибегать к определенным методам конспирации, позволившим издать сборник. Однако в журнале «Психология» (1932, № 3) появляется рецензия на сборник под названием «Против меньшевистствующего идеализма в психологии». Теоретические положения статьи «Психотехника» С.Г. Геллерштейн развивает и придает им определенную завершенность в работе «Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки» [16]. В рассматриваемом ряду находятся статьи И.Н. Шпильрейна «Основные теоретические проблемы психотехники» [67] и «Психотехника в СССР за последние годы» [70], а также доклад С.Г. Геллерштейна «Основы психотехники в применении к производственному обучению в СССР», представленный на Восьмую международную психотехническую конференцию [17, с. 396].

В 1931 г. проводится Всесоюзный психотехнический съезд, в 1932 г. Уральский областной съезд психотехников и физиологов, в 1933 — Всесоюзное совещание психотехнических лабораторий на автотранспорте. Состав членов психотехнического общества вырос со 100 человек в 1927 г. до 1020 в 1931 г.

Не получив ответа на обращение в 1928 г. партийной фракции Всероссийского психотехнического общества в ЦК ВКП(б) и Главнауки, И.Н. Шпильрейн публикует статью «О подготовке психотехников и государственной регламентации их работы» [72]. Статья начинается с констатации, что потенциальная полезность психотехнической работы заслужила всеобщее признание — в промышленности и армии, на транспорте и в школах учреждаются психотехнические лаборатории, кабинеты и бюро. Число лиц, работающих в них по психотехнике, по крайней мере в два-три раза превосходит число лиц, получивших какое бы то ни было приближающееся к психотехническому образованию. Единственный вуз, готовивший психотехников (с педологическим уклоном), — это педагогический институт им. Герцена в Ленинграде, который выпускал в среднем 20–30 психотехников в год при потребности, исчисляемой сотнями. Кроме того, в Москве, Ленинграде, Горьком, Баку и других городах открываются время от времени краткосрочные курсы. При таком положении психотехнические испытания зачастую проводят лица, не имеющие никакого представления о психотехнической науке. В статье приводятся примеры вопиющей безграмотности в области психотехники лиц, которые тем не менее проводят работы в этом направлении. Такое положение угрожает самому существованию психотехники. «Только при законодательной регламентации подготовки и деятельности психотехника, — убежден И.Н. Шпильрейн, — можно будет достичь полной

его ответственности за допущенные искривления, извращения и нарушения... не только перед научной критикой, но и перед судом» [72, с. 204]. Во время набора статьи И.Н. Шпильрейна произошел еще один случай, иллюстрирующий неопределенность юридического положения психотехников. Наркомпрос внезапно постановлением от 21 июля 1933 г. разрешил ликвидировать психотехническое отделение в педагогическом институте им. Герцена в Ленинграде. Только энергичный протест психотехнического общества, поддержанный другими общественными и государственными организациями, заставил Наркомпрос временно отказаться от этого шага [72]. И это при том, что кафедра психотехники института, где работал известный психотехник К.М. Гуревич, в 1932 г. составила Профили специализации психотехников и учебные планы их подготовки [50].

В 1933 г. Всесоюзное психотехническое общество поставило себе целью подытожить проведенную различными учреждениями работу. Для систематизации собранного материала его разбили по основным задачам, в разрешении которых принимала участие психотехника: 1) профподбор; 2) профконсультация; 3) рационализация условий труда; 4) режим труда; 5) рационализация производственного обучения и инструктажа; 6) борьба с травматизмом и вредная работа; 7) технормирование [31].

Работа психотехников в каждой из названных практических задач рассматривается авторами отчета с трех точек зрения: «а) методологии, б) частно-методической, в) практических результатов» [31, с. 372]. В отчете подводятся итоги работы различных учреждений в соответствии с концептуальной схемой развития психотехники, разработанной С.Г. Геллерштейном и И.Н. Шпильрейном еще в начале 20-х гг. Методологический анализ развития психотехники в двадцатые годы осуществил Л.С. Выготский. Методологическая и методическая проработка отдельных проблем психотехники нашла отражение в трудах И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна. Задачи, продиктованные практической потребностью, определяли характер тех проблем, решение которых служило научным обоснованием для конкретных практических выводов психотехники 20–30-х гг. XX в. По каждой из проблем велась теоретическая работа, к важнейшим из которых относились следующие: генезис и развитие человеческих способностей; принципы и методы распознавания индивидуальных различий между людьми в связи с трудовой деятельностью; законы изменчивости профессионально важных качеств и факторы, влияющие на эту изменчивость; закономерности процесса овладения профессиональным мастерством; законы перестройки трудовых навыков и умений в условиях меняющихся профессиональных требований; устойчивость профессионально важных признаков в критических обстоятельствах, например аварийных; работоспособность и ее колебания под влиянием утомления; положительные эмоции и работоспособность.

В целом же отраженная в отчете проделанная работа убедительно свидетельствует, что отечественная научная школа психотехники создана, несмотря на чудовищное идеологическое давление, постоянно оказывавшееся на нее и ее лидеров И.Н. Шпильрейна, Л.С. Выготского и С.Г. Геллерштейна. Открывая «Диспут по вопросу о профессиональной подготовке работников по профотбору» на заседании Московского отделения Всесоюзного общества психотехников в начале 1930 г., И.Н. Шпильрейн имел все основания заявить: «... на наших глазах возникла новая специальность, специальность психотехника, занимающая промежуточное положение между специальностями врача и педагога. Кроме того, что эта новая специальность уже оформилась и уже имеются налицо очень большие ее кадры, сейчас в истории нашей специальности намечается поворотный пункт...» [44, с. 269]. Поворотный пункт ученый связывал с завершением формирования психотехники как самостоятельной научно-практической дисциплины, связанной с психологией, но не являющейся ее прикладной отраслью.

О размахе и эффективности работ можно составить представление по трем направлениям. «Психотехническое обследование пригодности в промышленности, в армии и транспорте, — отмечалось в Резолюции съезда по психотехнике 26 мая 1931 г., — давно уже показало свою практическую полезность даже в нынешней несовершенной форме. Этому обследованию будет в нынешнем году подвергнуто более 1 700 000 человек» [45, с. 375].

Изучение психотехниками В.М. Давидович, К.М. Караульник, Х.О. Ривлина и Ю.И. Шпигель работы шлифовальщиц на заводе «Шарикоподшипник» [26] показало, что достижение высокой производительности в большинстве случаев определяется индивидуальными приемами работниц, умеющих точно рассчитать все свои рабочие движения во времени. Нередко эти индивидуальные приемы остаются неосознанными самими работницами и не становятся достоянием других, выполняющих аналогичную работу. Осуществлена детальная расшифровка всех приемов, которыми пользуются наиболее производительные работницы, и всех элементов времени, затрачиваемых ими на эти приемы. Полученные данные были представлены в виде наглядного графика, продемонстрированного и разъясненного всем работницам. Оказалось, что восприятие и усвоение нового рабочего приема совершается лучше и быстрее, когда рабочий процесс наглядно представлен в виде составляющих его элементов. Разработаны также специальные упражнения формирования «чувства времени». В результате удалось повысить производительность труда всех работниц. У лучших работниц повышение составило 214%. Особенно резко повысилась производительность труда у слабых работниц. Одна из них, никогда не дававшая больше 240 колец за смену, в первый же день выработала 332 кольца, другая вместо 200 за смену повысила выработку до 324 колец.

В 20—30-е гг. в стране при изучении деятельности сталеваров и их обучении основное внимание уделялось умениям совершать ряд действий по уходу за печью и регулированию процесса, в которых преобладал моторный компонент. Анализ психотехника Ю.А. Шпигеля позволил сделать вывод, что в квалификации у сталевара мартеновского цеха преобладают умения и навыки сенсорного и интеллектуального порядка [55]. Совершенствование функции различения свойств стали на основе психотехнического анализа показал, что необходимо точно определять при взгляде на разлом взятой из печи и тут же охлажденной пробы металла такие его свойства, как раскисленность и содержание углерода. Для этого сталевару важно различать величины зерен-кристаллов, плотность их посадки, форму, наличие волокон, бугорков, однородность или разнородность структуры, блеск, наличие раковин и т. д. Именно на эти признаки учащиеся должны были обращать внимание в процессе специальных упражнений и при обучении в цехе. В результате в два-три раза сокращались сроки овладения профессией и повышалось качество работы. Вместе с тем в результате детального анализа профессии сталевара психотехником Л.И. Селецкой [49] стало ясно, что успех его работы в значительной степени зависит от тонкости восприятия цветовых оттенков и яркости накала и точности запоминания некоторых цветовых стандартов, соответствующих различным температурам мартеновской печи в различные периоды плавки. Психотехниками сконструирован прибор для тренировки в различении изменений яркости. При тренировке с использованием прибора и обучением определению температур в цехе по показателям пирометра сокращались сроки овладения профессией и повышалась точность определения температур.

Международное признание научных и практических результатов психотехников в СССР выразилось в том, что очередную международную конференцию в 1931 г. решено было провести в Москве. Уместно привести первый абзац, с которого начал немецкий психолог Т. Ваелнтинер статью «X Международный конгресс психологов» (Копенгаген, 22—27 августа 1932 г.): «Богатство новых идей, возникших на московском международном конгрессе психотехников в прошлом году под председательством Шпильрейна, не только оплодотворяет всю практическую психологическую работу, которая проводится в различных странах, но и значительно способствует тому, что психотехники задумываются над основными вопросами практической психологии, над освещением последних в целях службы человечеству. Здесь была открыта новая громадная область проблем, в которой предстоит еще сделать много плодотворной работы и которая больше не исчезнет с повестки дня психотехнических конгрессов [6]. В данном случае оценивается не рядовое явление, а событие в развитии психотехники.

Литература

1. Антониюк С. Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. Вып. 2—3.
2. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социкультурная динамика России). Т.1. «От прошлого к будущему». 2-е изд. Новосибирск, 1997.
3. Бауманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щерба И.В. Психологический институт на Моховой (Исторический очерк) / Под ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова. М., 1994.
4. Боровский В. О Н.Ф. Курманове // Психология. 1930. Т. III. Вып. 9.
5. Бурдянский И.М. Рационализация и техника: Тезисы доклада в подсекции техники Коммунистической академии // Вестник Казанского института научной организации труда. 1929. № 5.
6. Ваелитшиер Т.Х. Международный конгресс психологов (Копенгаген, 1933) // Советская психотехника. 1933. Т. VI. № 1.
7. В Научно-исследовательской секции Осоавиахима // Психотехника и психофизиология труда. 1929. Т. II. № 1.
8. Выготский Л.С. Психологическая наука в СССР // Общественные науки СССР. 1917—1927 / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М., 1928.
9. Выготский Л.С. Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 3.
10. Выготский Л.С. Психотехника и педология // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 2, 3.
11. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Том II. М., 1982.
13. Выготский Л. С. Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М. Основные течения современной психологии. М.; Л, 1930.
14. Геллерштейн С. Вторая Всесоюзная конференция по НОТ // Гигиена труда. 1924. № 4.
15. Геллерштейн С. Психотехника. М., 1926; Психофизиологический анализ профессий как основа профессионального подбора // Выбор профессии и школа, 1925.
16. Геллерштейн С. Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки // Советская психотехника. 1932. № 3.
17. Геллерштейн С.Г. Основы психотехники в применении к производственному обучению в СССР // Советская психотехника. 1934. № 4.
18. Геллерштейн С.Г. Комментарии к избранным произведениям И.М. Сеченова // Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. 2. М.: 1952.
19. Геллерштейн С.Г., Итин А.Г. Психологический анализ профессии наборщика // Гигиена труда. 1923. XII.
20. Геллерштейн С.Г., Коган В.М., Шпигель Ю.И., Шпильрейн И.Н. Руководство по психотехническому профессиональному подбор / Ред. И.Н. Шпильрейн. М.; Л, 1929.
21. Геллерштейн С., Липман О. // Советская психотехника. 1934. Т. VII. № 2.
22. Геллерштейн С. Г. Мюнстерберг. Основы психотехники (первая общая часть): Пер. с нем. / Под ред. и с предисловием Б.И. Северного и В.И. Экземплярского. Русский Книжник. М., 1922 // Гигиена труда. 1923. № 5.
23. Геллерштейн С., Шелезингер Г. Психотехника и наука о производстве: Пер. с нем. М., 1923.
24. Геллерштейн С., Шпигель Ю. Десять лет работы института в области психологии труда (1925—1935) // Итоги работы института охраны труда. М., 1936.
25. Гигиена труда. 1923. № 3—4.
26. Давидович В.И., Караульнич К.М., Ривлина Х.О., Шпигель Ю.И. Опыт изучения стахановских методов работы // Гигиена труда и техника безопасности. 1936. № 5.
27. Дискуссия о положении на психологическом фронте // Советская психоневрология. 1931. № 2—3.
28. Дойчер И. Троицкий. Безоружный пророк. 1921—1929 гг.: Пер. с англ. М., 2006.
29. История советской психологии труда: Тексты (20—30-е гг. XX в.) / Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М., 1983.
30. Коган В.М. Основные данные прикладной психологии // Прикладная психология / Под ред. И.Н. Шпильрейна, М., 1930.
31. Коган В., Меллер Е. Из материалов сектора консультации по методикам психотехнической работы и библиографии при правлении Всесоюзного психотехнического общества // Советская психотехника. 1933. № 4.
32. Козлов Б.И. Академия наук и индустриализация России. М., 2003.
33. Корнилов К. Памяти Н.Ф. Курманова // Психология. Т. III. Вып. 3.
34. Курманов Н.Ф. Идеализм в психотехнике реконструктивного периода и отсутствие реконструкции в психотехнике // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 3.
35. Липман О. Психология профессий: Пер. с нем. Петроград, 1923; Экономическая психология и психологическая профконсультация: Пер. с нем. М., 1925; Профессиональные способности и выбор профессии: Пер. с нем. Берлин, 1923; Выбор профессии. Петроград, 1923.
36. Лифанова Т.М. Полная библиография трудов Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1996. № 5.
37. Луначарский А. Письмо в редакцию // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 5.
38. Лурия А.Р. Московский государственный институт экспериментальной психологии // Проблемы современной психологии». Под ред. К. Корнилова. Л., 1926.
39. Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь. М., 1924.
40. НЭП. Взгляд со стороны: Сборник (Экономические чтения) / Сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991.
41. О психотехнической работе в лабораториях Грузии // Советская психотехника, 1933. № 3.
42. Организационная психология и управление (Россия: 1910—1919): Хрестоматия / Под ред. А.А. Пископеля и Л.П. Щедровицкого. М., 1999.
43. Положение психотехники в СССР и очередные задачи психотехнического общества (Из докладной записки, поданной фракцией ВКП(б) Всероссийского психотехнического общества в Агитпроп ЦК ВКП(б) и Главнауку в марте 1923 г.) // Психотехника и психофизиология труда. 1929. Т. 4. № 2.
44. Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2—3.
45. Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4—6.
46. Работа комиссии по изучению утомляемости рабочих // Гигиена труда. 1925. № 6.
47. Развитие прикладных исследований: историко-культурный взгляд. Психотехника и психология труда // Московская психологическая школа: История и современность: В 3 т. / Под ред. В.В. Рубцова. Т. 3. М., 2004.

48. *Северный Б., Экземлярский В.* От редакторов русского перевода // Г. Мюнстерберг. Основы психотехники. СПб, 1996.
49. *Селецкая Л.И.* Тренировка функций цветоразличения // Вопросы организации и охраны труда: Рефераты и аннотации по работам института. Всесоюзный институт экономики, организации и оздоровления труда ВЦСПС. М., 1935.
50. Советская психотехника. 1932. № 1. 2–3.
51. Советская психотехника. 1933. № 2.
52. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.
53. Трудовой метод изучения профессий: Сборник // Под ред. И.Н. Шпильрейна. М., 1925.
54. *Хан-Магомедов С.О.* ВХУТЕМАС: В 2 кн. Кн. 2. М., 2000.
55. *Шпигель Ю.И.* Обучение сталеваров. Систематизация опыта мартеновцев-практиков для целей обучения и инструктажа // Вопросы организации и оздоровления труда в мартеновском производстве: Труды Всесоюзного центрального института экономики, организации и оздоровления труда ВЦСПС. М.; Л., 1935. Вып. 49.
56. *Шпильрейн И.* Положение и задачи психотехники на Западе и в РСФСР. Вестник Социалистической академии. 1923. № 2.
57. *Шпильрейн И.* Франциска Баумгартен // Психотехника. Берлин, 1923.
58. *Шпильрейн И.* О методах психологического профессионального подбора // Организация труда, III, 1922; К вопросу о методике психотехнического анализа профессий // Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда. № 1. Казань, 1924.
59. *Шпильрейн И.* II Всесоюзная конференция по научной организации труда // Время. 1924. № 7.
60. *Шпильрейн И.Н.* Методы прикладной психологии в послевоенный период. М., 1924.
61. *Шпильрейн И.* Первый международный съезд по научной организации труда // Вопросы труда. № 9. 1924.
62. *Шпильрейн И.* Перед второй конференцией по НОТ // Гигиена труда. 1924. № 2–3.
63. *Шпильрейн И.* Предисловие к русскому переводу // Г. Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь. М., 1924.
64. *Шпильрейн И.* Испытания профессиональной пригодности вагоновожатых московского трамвая. Гигиена труда. 1925. № 11–12; Рабочие трамвая. Труд, утомление, заболеваемость. Психотехнический подбор / Под ред. Шпильрейна. М., 1928.
65. *Шпильрейн И.* Выбор профессии как социальная проблема // Революция и культура. 1928. № 9.
66. *Шпильрейн И.Н.* Основные вопросы профессиографии // Психофизиология труда и психотехника. 1928. № 1.
67. *Шпильрейн И.Н.* Основные теоретические проблемы психотехники // Психотехника и психофизиология труда. 1929. № 4.ы
68. *Шпильрейн И.* Механистическая борьба за реконструкцию психотехники // Психология. 1930. Т. III. Вып. 3.
69. *Шпильрейн И.* Психотехника в реконструктивный период. М., 1930.
70. *Шпильрейн И.* Психотехника в СССР за последние годы // Под знаменем марксизма. 1930. № 5.
71. *Шпильрейн И.* Из иностранной прессы // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1.
72. *Шпильрейн И.Н.* О подготовке психотехников и государственной регламентации их работы // Советская психотехника. 1933. Т. VI. № 3.
73. *Пушаков А.* Боевое задание // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1.
74. Элементы дифференциальной психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1929.

I.N. Shpielrein, L.S. Vygotsky and S.G. Gellerstein — Founders of Scientific School of Industrial Psychotechnics in USSR

V.P. Munipov

Ph.D. in Psychology, Professor, Full Member of the Russian Academy of Education, Professor at the Ergonomics Department at the Moscow Institute of Radio Electronics and Automation

---

The article tells a dramatic story of psychotechnics development in 1920s-1930s in the USSR. The scientific school was founded by I.N. Shpielrein, L.S. Vygotsky and S.G. Gellerstein. This author emphasizes that this school of thought developed under the influence of the ideas of G. Munsterberg, W. Stern, F. Taylor and some Russian psychologists as well. As the author puts it, from the very start psychotechnics became a scientific movement that spread all over the country. The international recognition of Russian psychotechnics came in 1931 when the International Conference on Psychotechnics was held in Moscow, at the time when psychotechnicians were being persecuted.

In addition to this article we publish a 'non-psychological' work by S.G. Gellerstein in which he analyses L. Carroll's book about Alice's adventures. In his essay S.G. Gellerstein focuses on the issues concerning experiencing time. A distinguished psychotechnician who was studying various aspects of work activity (including professionally significant characteristics, principles and methods of revealing individual differences in work), he noticed that Carroll addressed a deep psychological problem in his book: what does 'remembering future' mean and what are those paradoxical shifts of past, present and future in one's experiences?

Key words: psychotechnics, history of psychotechnics in USSR, psychotechnical movement, time, experiencing time.

References

1. *Antonyuk S.* Pervyi vsesoyuznyi s'ezd po izucheniyu povedeniya cheloveka // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. T. III. V. 2—3. 1930.
2. *Ahizer A.S.* Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Socikul'turnaya dinamika Rossii). T. 1. Ot proshlogo k budushemu. 2 izd. Novosibirsk, 1997.
3. *Baumanova M.E., Guseva E.P., Ravich-Sherba I.V.* Psihologicheskii institut na Mohovoi (Istoricheskii ocherk) // Pod red. V.V. Rubcova, A.D. Chervyakova. M., 1994.
4. *Borovskii V.* O N.F. Kurmanove // Psihologiya. T. III. Vyp. 9. 1930.
5. *Burdianskii I.M.* Racionalizatsiya i tekhnika: Tezisy doklada v podsekcii tekhniki Kommunisticheskoi akademii // Vestnik Kazanskogo instituta nauchnoi organizatsii truda. 1929. № 5.
6. *Vaelntiner T.X.* Mezhdunarodnyi kongress psihologov (Kopengagen, 1933) // Sovetskaya psihotekhnika, 1933. T. VI. № 1.
7. V Nauchno-issledovatel'skoi sekcii Osaviahima // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1929. T. II. № 1.
8. *Vygotskii L.S.* Psihologicheskaya nauka v SSSR // Obshchestvennye nauki SSSR. 1917—1927 / Pod red. V.P. Volgina, G.O. Gordona, I.K. Luppola. M., 1928.
9. *Vygotskii L.S.* Problema vysshih intellektual'nyh funktsii v sisteme psihotekhnicheskogo issledovaniya // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1930. № 3.
10. *Vygotskii L.S.* Psihotekhnika i pedologiya // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1931. № 2, 3.
11. *Vygotskii L.S.* Istoricheskii smysl psihologicheskogo krizisa. Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 1. M., 1982.
12. *Vygotskii L.S.* Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 2. M., 1982.
13. *Vygotskii L., Gellershtein S., Fingert B., Shirvindt M.* Osnovnye tekhnika sovremennoi psihologii. M.; L., 1930.
14. *Gellershtein S.* Vtoraya Vsesoyuznaya konferentsiya po NOT // Gigiena truda. 1924. № 4.
15. *Gellershtein S.* Psihotekhnika. M. 1926 g. Psihofiziologicheskii analiz professii kak osnova professional'nogo podbora // Vybor professii i shkola. 1925.
16. *Gellershtein S.* Problemy psihotekhniki na poroge vtoroi pyatiletki // Sovetskaya psihotekhnika. 1932. № 3.
17. *Gellershtein S.G.* Osnovy psihotekhniki v primenenii k proizvodstvennomu obucheniyu v SSSR // Sovetskaya psihotekhnika. № 4. 1934.
18. *Gellershtein S.G.* Kommentarii k izbrannym proizvedeniyam I.M. Sechenova // Sechenov I.M. Izbrannye proizvedeniya. T. 2. M., 1952.
19. *Gellershtein S.G., Itin A.G.* Psihologicheskii analiz professii naborshika // Gigiena truda. 1923. XII.
20. *Gellershtein S.G., Kogan V.M., Shpigel' Yu.I., Shpil'rein I.N.* Rukovodstvo po psihotekhnicheskomu professional'nomu podboru / Red. I.N. Shpil'rein. M.; L., 1929.
21. *Gellershtein S., Lipman O.* // Sovetskaya psihotekhnika. T. VII. № 2. 1934.
22. *Gellershtein S. G. Myunsterberg.* Osnovy psihotekhniki (pervaya obshaya chast'): Per. s nem / Pod red. i s pre-disloviem B.I. Severnogo i V.I. Ekzempl'yarskogo. Russkii Knizhnik. M., 1922 // Gigiena truda. 1923. № 5.
23. *Gellershtein S., Shelezinger G.* Psihotekhnika i nauka o proizvodstve: Per. s nem. M., 1923.
24. *Gellershtein S., Shpigel' Yu.* Desyat' let raboty instituta v oblasti psihologii truda (1925—1935) // Itogi raboty instituta ohrany truda. M., 1936.

25. Gigiena truda. 1923. № 3—4.
26. *Davidovich V.I., Karaul'nik K.M., Rivlina H.O., Shpigel' Yu.I.* Opyt izucheniya stahanovskih metodov raboty // Gigiena truda i tehnika bezopasnosti. 1936. № 5.
27. Diskussiya o polozhenii na psihologicheskom fronte // Sovetskaya psihonevrologiya. 1931. № 2—3.
28. *Doicher I.* Trockii. Bezoruzhnyi prorok. 1921—1929 gg. / Per. s angl. M., 2006.
29. Istoriya sovetskoj psihologii truda: Teksty (20—30 gg. XX v.) / Pod red. V.P. Zinchenko, V.M. Munipov, O.G. Noskova. M., 1983.
30. *Kogan V.M.* Osnovnye dannye prikladnoi psihologii // Prikladnaya psihologiya / Pod red. I.N. Shpil'reina, M., 1930.
31. *Kogan V. Meller E.* Iz materialov sektora konsul'tacii po metodikam psihotekhnicheskoi raboty i bibliografii pri pravlenii Vsesoyuznogo psihotekhnicheskogo obshestva // Sovetskaya psihotekhnika. 1933. № 4.
32. *Kozlov B.I.* Akademiya nauk i industrializaciya Rossii. M., 2003.
33. *Kornilov K.* Pamyati N.F. Kurmanova // Psihologiya. T. III. Vyp. 3.
34. *Kurmanov N.F.* Idealizm v psihotekhnike rekonstruktivnogo perioda i otsustvie rekonstrukcii v psihotekhnike // Psihologiya. 1930. T. III. Vyp. 3.
35. *Lipman O.* Psihologiya professii: Per. s nem. Petrograd, 1923; Ekonomicheskaya psihologiya i psihologicheskaya profkonsul'taciya: Per. s nem. M., 1925; Professional'nye sposobnosti i vybor professii: Per. s nem. Berlin, 1923; Vybor professii. Petrograd, 1923.
36. *Lifanova T.M.* Polnaya bibliografiya trudov L.S. Vygotskogo // Voprosy psihologii. № 5. 1996.
37. *Lunacharskii A.* Pis'mo v redakciyu // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. T. III. № 5. 1930.
38. *Luriya A.R.* Moskovskii gosudarstvennyi institut eksperimental'noi psihologii // Problemy sovremennoi psihologii / Pod red. K. Kornilova, L., 1926.
39. *Myunsterberg G.* Psihologiya i ekonomicheskaya zhizn'. M., 1924.
40. NEP. Vzgl'yad so storony: Sbornik (Ekonomicheskie chteniya) / Sost. V.V. Kudryavcev. M., 1991.
41. O psihotekhnicheskoi rabote v laboratoriyah Gruzii // Sovetskaya psihotekhnika. 1933. № 3.
42. Organizacionnaya psihologiya i upravlenie (Rossiya: 1910—1919): Hrestomatiya / Pod red. A.A. Piskoppelya i L.P. Shedrovickogo. M., 1999.
43. Polozhenie psihotekhniki v SSSR i ocherednye zadachi psihotekhnicheskogo obshestva (Iz dokladnoi zapiski, podannoi frakciei VKP(b) Vserossiiskogo psihotekhnicheskogo obshestva v Agitprop CK VKP(b) i Glavnauku v marte 1923 g.) // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. № 2. T. 4. 1929.
44. Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. T. III. 1930. № 2—3.
45. Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1931. № 4—6.
46. Rabota komissii po izucheniyu utomlyaemosti rabochih // Gigiena truda. 1925. № 6.
47. Razvitie prikladnyh issledovaniy: istorikokul'turnyi vzglyad. Psihotekhnika i psihologiya truda // Moskovskaya psihologicheskaya shkola: Istoriya i sovremennost': V 3 t / Pod red. V.V. Rubcova. T. III. M., 2004.
48. *Severnij B., Ekzemplyarskij V.* Ot redaktorov russkogo perevoda // G. Myunsterberg. Osnovy psihotekhniki. SPb., 1996.
49. *Seleckaya L.I.* Trenirovka funkcii cvetorazlicheniya // Voprosy organizacii i ohrany truda. Referaty i annotacii po rabotam instituta. Vsesoyuznyi institut ekonomiki, organizacii i ozdorovleniya truda VCSPPS. M., 1935.
50. Sovetskaya psihotekhnika. 1932. № 1. 2—3.
51. Sovetskaya psihotekhnika. 1933. № 2.
52. *Trockii L.D.* Moya zhizn'. Opyt avtobiografii. M., 1991.
53. Trudovoi metod izucheniya professii. Sb. pod redakciei I.N. Shpil'reina. M., 1925.
54. *Han-Magomedov S.O.* VHUTEMAS: V 2 kn. M., Kn. 2. 2000.
55. *Shpigel' Yu.I.* Obuchenie stalevarov. Sistematizaciya opyta martenovcevpraktikov dlya celei obucheniya i instruk-tazha // Voprosy organizacii i ozdorovleniya truda v martenovskom-proizvodstve: Trudy Vsesoyuznogo central'nogo instituta ekonomiki, organizacii i ozdorovleniya truda VCSPPS. M.; L., 1935. Vyp. 49.
56. *Shpil'rein I.* Polozhenie i zadachi psihotekhniki na Zapade i v RSFSR. Vestnik Socialisticheskoi akademii. 1923. № 2.
57. *Shpil'rein I.* Franciska Baumgarten // Psihotekhnika. Berlin, 1923.
58. *Shpil'rein I.* O metodah psihologicheskogo professional'nogo podbora // Organizaciya truda, III, 1922; K voprosu o metodike psihotekhnicheskogo analiza professii // Voprosy psihofiziologii, refleksologii i gigieny truda, Kazan'. 1924. № 1.
59. *Shpil'rein I.* II Vsesoyuznaya konferenciya po nauchnoi organizacii truda // Vremya. 1924. № 7.
60. *Shpil'rein I.N.* Metody prikladnoi psihologii v poslevoennyi period. M., 1924.
61. *Shpil'rein I.* Pervyi mezhdunarodnyi s'ezd po nauchnoi organizacii truda // Voprosy truda. № 9. 1924.
62. *Shpil'rein I.* Pered vtoroi konferenciej po NOT // Gigiena truda. 1924. № 2—3.
63. *Shpil'rein I.* Predislovie k russkomu perevodu // G. Myunsterberg. Psihologiya i ekonomicheskaya zhizn'. M., 1924.
64. *Shpil'rein I.* Ispytaniya professional'noi prigodnosti vagonovozhatyh moskovskogo tramvaya. Gigiena truda. 1925. № 11—12; Rabochie tramvaya. Trud, utomlenie, zaboлеваemost'. Psihotekhnicheskii podbor / Pod red. Shpil'reina. M., 1928.
65. *Shpil'rein I.* Vybor professii kak social'naya problema // Revolyuciya i kul'tura. 1928. № 9.
66. *Shpil'rein I.* Osnovnye voprosy profesiografii // Psihofiziologiya truda i psihotekhnika. 1928. № 1.
67. *Shpil'rein I.N.* Osnovnye teoreticheskie problemy psihotekhniki // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1929. № 4.
68. *Shpil'rein I.* Mehanisticheskaya bor'ba za rekonstrukciya psihotekhniki // Psihologiya. T. III. Vyp. 3. 1930.
69. *Shpil'rein I.* Psihotekhnika v rekonstruktivnyi period. M., 1930.
70. *Shpil'rein I.* Psihotekhnika v SSSR za poslednie gody // Pod znamenem marksizma. 1930. № 5.
71. *Shpil'rein I.* Iz inostrannoij pressy // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1931. № 1.
72. *Shpil'rein I.N.* O podgotovke psihotekhnikov i gosudarstvennoj reglamentacii ih raboty // Sovetskaya psihotekhnika. T. VI. № 3. 1933.
73. *Shushakov A.* Boevoe zadanie // Psihotekhnika i psihofiziologiya truda. 1931. № 1.
74. Elementy differencial'noi psihologii / Pod red. K.N. Kornilova. M., 1929.